

№6
Июнь 2013

УССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

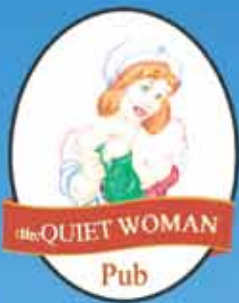

Diazza
Boutique Hotel Batumi

Piazza Batumi

18 июля 2013

В рамках VI Международного
русско-грузинского
поэтического фестиваля
«Во весь голос»

Концерт Мананы Менабде «Сны о Грузии»

посвящается
сестрам Ишхнели

Начало концерта в 22⁰⁰
Вход свободный

Бронирование столиков по номеру телефона:

+995 592 31 00 66, +995 568 77 24 68

www.piazza.ge / info@piazza.ge

www.facebook.com/BatumiPiazza

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Арсен ЕРЕМЯН

Редакционная коллегия:
Вера ЦЕРЕТЕЛИ
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Донара КАНДЕЛАКИ
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ
Владимир ГОЛОВИН

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДZE-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДZE
Важа АЗАРАШВИЛИ
Нани БРЕГВАДZE
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Гоги КАВТАРАДZE
Гига ЛОРДКИПАНИДZE
Отар МЕГВИНЕТУХУЦЕСИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДZE
Гулбат ТОРАДZE
Джансуг ЧАРКВИАНИ

Армения
Михаил БАГДАСАРОВ

Белоруссия
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Венгрия
Олег ВОЛОВИК

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Михаил НОСОВ
Евгений ТАБАЧНИКОВ
Александр ЭБАНОИДZE

США
Алексей ЦВЕТКОВ

Франция
граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№6⁽⁹²⁾
Июнь 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 «ЛИТЕРАТУРА – ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 10 ОНИ ВСЕ ГЕРОИ
НИНО ЦИТЛАНАДZE
- 12 ЖИЛ ОТВАЖНЫЙ КАПИТАН
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 16 С ГОРДОСТЬЮ И БОЛЬЮ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 17 ПРОЩАЛЬНЫЙ МАТЧ ФУТБОЛИСТА
ФОТОРЕПОРТАЖ
- 18 КОГДА БОГ УЛЫБАЕТСЯ...
НИНА ШАДУРИ
- 24 ПЕШКОМ НА ЭВЕРЕСТ
АРСЕН ЕРЕМЯН
- 28 «ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 33 НЕСНЯТЫЙ ФИЛЬМ ВАХТАНГА МИКЕЛАДZE
ИРИНА ШЕЛИЯ
- 38 ГОСТЬ СЛУЧАЙНЫЙ
РАВИЛЬ БУХАРАЕВ
- 42 ВАЛЯ, ВАЛЕЧКА...
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 46 ПОПЫТКА УВЕРИТЬСЯ В СУЩЕСТВОВАНИИ ЖИЗНИ
ВЛАДИМИР ЧЕРЕДНИЧЕНКО
- 50 ЖЕНЩИНА С ХРУСТАЛЬНЫМ ГОЛОСОМ
НИНО ДЖАВАХЕЛИ
- 52 ВГЛЯДЫВАЯСЬ В МИР ОЛЕСИ ТАВАДZE
ДАВИД АНДРИАДZE
- 54 ПРОЩАЙ, АРТИСТ!

На обложке – Отар Джангишерашвили, художественный руководитель
и директор Волгоградского НЭТ

ОТ ДО

ОТКУДА У ПАРНЯ ИСПАНСКАЯ ГРУСТЬ...

В 1963 году праздновалось 60-летие известного советского поэта Михаила Светлова. В числе приглашенных был и автор ненапечатанных, но известных в кругах интеллигенции «Колымских рассказов» писатель-лагерник Варлам Шаламов. Юбилей отмечался пусть не широко, но с размахом – были приглашены артисты, поэты читали стихи, а одна известная певица спела под рояль сентиментальную песенку на стихи юбиляра «Любимую на руки взяв осторожно, на облако я усадил». Шаламов невольно поморщился. Светлов заметил это, огорчился, и, подойдя к Варламу Тихоновичу, негромко сказал: «Может, я и не хороший поэт, но я ни на кого никогда не донес и ничего против кого не подписал». Шаламов подумал про себя, что в те времена это было потруднее, чем написать гениальную «Гренаду».

На самом-то деле, Светлов был хорошим поэтом, хотя и всегда сомневался в себе. И он был очень храбрым человеком – еще мальчишкой пошел добровольцем в Красную Армию и воевал всю гражданскую. А после был редактором в газетах и литературных журналах, и в 1926 году прославился, написав стихотворе-

ние «Мы ехали шагом, мы мчались в боях». Его «Гренаду» на память читал со сцены сам Владимир Маяковский и считал ее лучшим стихотворением о Гражданской войне. Из его стихотворения «Каховка» родилась поистине народная песня. Но самому автору в 20-е годы, да и позже тоже, было очень несладко. Как и многие бойцы, прошедшие Гражданскую войну, он был поклонником Троцкого, чего не скрывал. Но по какой-то загадочной причине он не был репрессирован, хотя практически и не печатался ни в сталинские времена, ни в оттепель. Он нашел свое призвание в преподавательской работе, был профессором Литинститута. Этого изящного остроумца обожали и студенты, и многочисленные поклонники. А его шутки повторяла вся Москва. Чего стоит одно его предложение известному коллеге-литератору, написавшему популярный детектив и на радостях купившему золотые часы, пропить секундную стрелку. А один восторженный поклонник, пожимая руку Светлову, воскликнул: «Боже, передо мной живой классик!» «Что вы, - ответил Светлов, - еле живой». За свои литературные труды он в итоге был удостоен Государственной премии, но произошло это через 20 лет после смерти.

А еще Светлов самозабвенно любил Грузию и был связан с ней кровно – его жена, Родам Ираклиевна, была сестрой великого грузинского писателя Чабуа Амиредзеби. Именем Михаила Светлова называли улицы и пароходы, и даже теплоход в фильме «Бриллиантовая рука».

ФОРД И ПЕПСИ

В один день, 16 июля 1903 года, ровно 110 лет назад, была основана великая автомобильная компания «Форд Мотор» и одновременно зарегистрирована мировая торговая марка напитка «Пепси-кола». Американский инженер Генри Форд сумел заручиться поддержкой финансистов и построил автомобильный завод, где был впервые применен конвейер, кстати, изобретенный, вопреки расхожему мнению, вовсе не им. Форд решил превратить автомобиль из роскоши в необходимость. Его целевой аудиторией были работающие сотрудники среднего звена. Конечно, сначала он делал

ошибки и, подобно конкурентам, выпускал многоцилиндровые дорогие машины. Но в итоге именно он создал знаменитую «жестянку Лиззи» - Форд-Т. Эта машина была проста в обслуживании, недорога, экономична и продавалась на ура. Предпринимательская судьба Форда была счастливой, он даже позволил себе уйти на заслуженный отдых, оставив производство сыну, чтобы на досуге конструировать новые машины. Но, к сожалению, сын его быстро умер,

и отцу пришлось вернуться к управлению своей империей, чтобы сохранить ее для внука Генри II.

У Пепси-колы, другого бренда мирового значения, тоже была не легкая судьба. Сначала фармацевт Калев Брэдхэм, создавший смесь из сахара, ванили, масел, орехов колы и газированной воды в качестве лекарства от головной боли и кашля, десять лет не мог зарегистрировать торговую марку. А через двадцать лет, после того, как ему это удалось, обанкротился в первый раз из-за подъема цен на сахар. Тогда ему пришлось в суде раскрыть секретный рецепт своего напитка. Но компании удалось выплыть даже после вторичного банкротства в Великую Депрессию. Уже во Вторую мировую войну Пепси-кола обошла конкурентов и прочно заняла второе место в мире после Кока-колы. Маркетологи из Пепси-колы, узнав секретную информацию о конкуренте, о том, что у них есть миллионный запас бутылок определенного объема для продажи в автоматах, которые принимали только пятицентовые монеты, начали разливать Пепси в бутылки вдвое большие за те же пять центов. Это позволило почти сравняться по продажам. Война между этими двумя корпорациями ведется уже много десятилетий с переменным успехом. Но однажды «Пепси-кола» поступила весьма порядочно по отношению к «Кока-коле». Когда к «Пепси» пришел бывший сотрудник «Коки» с предложением продать рецепт заклётого конкурента, они его попросту сдали в полицию и оповестили о случившемся «Кока-колу».

ЧЕЛОВЕК НА МАЙКЕ

14 июня исполнилось бы 85 лет одному из пламенных революционеров XX века Эрнесто Че Геваре. Это был красивый, яркий, талантливый и неоднозначный человек. Он родился в Аргентине, в семье архитектора, получил приличное образование и закончил медицинский факультет в Национальном университете Буэнос-Айреса, став врачом. И тут «им овладело беспокойство и охота к перемене мест» - он начал путешествовать по странам Латинской Америки на велосипеде, мотоцикле, на попутных машинах, забираясь в самые отдаленные уголки. Увидев, в каких условиях живет простой народ, он начал склоняться к революционным убеждениям и проникаться социалистическими идеями. Добравшись до Гватемалы, он даже принял участие в вооруженном восстании, потерпевшем провал. Побывал он и в Чили, где тайно встретился с будущим президентом Сальвадором Альенде. Они друг другу не очень понравились, так как Сальвадор хотел мирного решения всех вопросов, а Эрнесто считал, что путь революционеру укажет пуля, за которой он пойдет. Он предложил доктору Альенде выйти в разные двери, чтобы их не сразила одна очередь. В Мексике Че Гевара примкнул к отряду братьев Кастро, и вскоре они высадились с яхты «Гранма» на берег Кубы, где через два года армия повстанцев под его командованием вошла в Гавану. Так победила Кубинская революция. После победы Че стал директором национального банка. Но этому неукротимому революционеру мирная жизнь была явно не по вкусу. И министр революционного правительства как мальчишка убежал на войну, вернув паспорт гражданина Кубы своему другу Фиделю.

И дальше начались будни революционера и скитания по разным странам. В Конго он командовал партизанским отрядом, в Праге занимался подготовкой нелегальной сети латиноамериканского подполья, и, наконец, добравшись до Боливии, возглавил отряд, которому поначалу везло, но который в итоге был

разбит войсками под руководством опытных американских экспертов по контртеррористической деятельности. Раненый Че был захвачен в плен и через сутки расстрелян. Правительством не рискнуло сажать его в тюрьму, потому что его имя было знаменем и могло спровоцировать революционные выступления в самой боливийской столице. Через много лет его прах был перенесен из безвестной могилы в мавзолей в Гаване. А его знаменитый облик в берете со звездой превратился в бренд, и украшает майки радикально настроенной молодежи по всему миру и по сей день.

А ВСЕ-ТАКИ ОНА ВЕРТИТСЯ

380 лет назад, 16 июня 1633 года, в Риме суд инквизиции вынес решение о наказании знаменитого ученого Галилео Галилея за ересь. Он был очень популярным и очень уважаемым человеком. Имя его было хорошо известно просвещенным людям не только папских земель, но и по всей Европе. И суровая инквизиция не рискнула покарать его слишком строго. В течение недели они почти круглосуточно вели с ним проникновенные беседы, пытаясь убедить решить все мирным путем. В итоге пожилой ученый дрогнул и 22 июня отрекся от своего учения о гелиоцентрической системе мира. На торжественном обеде, посвященном радостному событию успешного разрешения конфликта, Папа Римский, который хорошо относился к Галилею, по легенде, подмигнув ему, вполголоса сказал: «А все-таки она вертится!» Наступали другие времена – католической Церкви надо было становиться гибче и умнее.

СТО ЛЕТ БОЛЬШОМУ МАСТЕРУ ТЕАТРА И КИНО

Есть в музыке и в физике понятие обертонов. Это когда один звук складывается из суммы многих других, обогащая восприятие. Так и в актерском ремесле – есть просто актеры, которые играют хороших или плохих людей, умных или глупых, добрых или злых. А есть такие актеры, кото-

рые ухитряются, играя недоброго человека, наделив его таким количеством положительных черточек, что отрицательный персонаж невольно вызывает симпатию. Эти актеры очень ценятся и почитаются зрителями и коллегами. 14 июня исполняется 100 лет именно такому гроссмейстеру актерской профессии – блистательному Бухути Закариадзе – младшему из знаменитых братьев Закариадзе. Этот яркий представитель грузинской театральной школы сыграл бесчисленное число крупных и мелких ролей в театре и кино. Более молодым зрителям он известен своими киноработами. Кого бы он ни играл, от жестокого и мудрого Сталина в «Освобождении» до отца погибшего альпиниста в «Вертикали» или жадного Гоги, хозяина разбитого кувери, в гениальной короткометражке «Кувшин» - его герои живые, невыдуманные люди со своими радостями, бедами и горестями. Побольше бы таких артистов, как батони Бухути! Этой надежде, конечно, суждено сбыться – Грузия богата талантами.

ВЕЧНЫЙ «ТАНЕЦ С САБЛЯМИ»

Сто десять лет назад родился один из самых знаменитых композиторов XX века – Арам Хачатурян, уроженец грузинской деревни Коджори Гардабанского района. У него была счастливая и плодотворная творческая жизнь. Будучи обласканным Советской властью, Арам Ильич самозабвенно сочинял прекрасную музыку. Но и ему, как Прокофьеву с Шостаковичем, в конце сороковых досталось за «формализм в искусстве». Пришлось замолчать на долгие годы. Но Хачатурян продолжал писать разнообразные по характеру произведения – симфоническую, камерную, балетную и оперную музыку. А его знаменитый «Танец с саблями» из балета «Гаянэ» известен любому, даже далекому от классической музыки человеку во всем мире.

Роб АВАДЯЕВ

▲ Гости в Сигнахи

«ЛИТЕРАТУРА – ТЕРРИТОРИЯ ПАМЯТИ»

В мае Тбилиси посетила делегация российских интеллектуалов. В ее составе – Ирина Алексеева – директор Санкт-Петербургской высшей школы перевода РГПУ им. А.И. Герцена, профессор кафедры перевода РГПУ, член Национальной лиги переводчиков РФ; Ирина Ерисанова – директор Дома-музея Бориса Пастернака в Переделкино, писатель, литературовед; Наталья Громова – историк литературы, писатель, старший научный сотрудник Дома-музея Марины Цветаевой; Алла Чикичева – режиссер-постановщик документальных фильмов (100ТВ); Нина Петлянова – журналист «Новой газеты»; Галина Артеменко – корреспондент информационного агентства «Regnum-Baltika». Инициатором поездки стала писатель, переводчик, ведущий редактор издательства «Лениздат» Наталия Соколовская.

Этот визит прошел под эгидой грузинского землячества Санкт-Петербурга и при поддержке МКПС «Русский клуб», и стал большим неформальным праздником как для гостей, так и для хозяев. Обе стороны соскучились по общению, взаимному выражению чувств, профессиональным контактам и будто старались наверстать упущенное за годы вынужденного молчания и отчуждения. Отсюда – эмоции через край, признания в любви и встречи, встречи... Каждая из них была особенной, и потому – запомнилась.

«ВЕПХИСТКАОСАНИ» – ГРУЗИНСКАЯ БИБЛИЯ

Одна из встреч, объединенных темой «Литература – территория памяти», прошла в Тбилисском русском театре имени А.С. Грибоедова. Открыл вечер директор театра, президент «Русского клуба», заслуженный деятель искусств РФ Николай Свентицкий, подчеркнувший особые связи Грузии с Санкт-Петербургом.

В процессе общения с аудиторией гости представили новые книжные издания.

«Я никогда не переводила с грузинского языка или на грузинскую тему, - отметила Ирина Алексеева. - Но я рвалась сюда, чтобы набраться сил, которые здесь ощущаю. Среди моих переводов есть такие, которые свидетельствуют о невозможности осваивать территорию памяти, ограничиваясь одной отдельно взятой литературой. Не обязательно читать на многих языках, но нужны разные взгляды на один предмет».

Среди переводов Ирины Алексеевой – «Полное собрание писем» Вольфганга Амадея Моцарта, «Из Ленинграда в Швабию. Книга воспоминаний» Наташи Серовой – внучки Валентина Серова. «Такая территория памяти тоже должна быть освоена», - считает И.Алексеева.

Наталья Громова представила свою книгу «Странники войны. Воспоминания детей писателей». Она уникальна тем, что авторы вспоминают детское восприятие жизни на краю общей беды. Каждая история – отдельная судьба. Среди прочих – судьбы трех погибших юношей: Георгия Эфрона, сына Марины Цветаевой, Никиты

Шкловского, Всеволода Багрицкого; рассказы о встрече с Пастернаком.

«Музей Пастернака в Москве – территория, аккумулирующая, в том числе, любовь к Грузии, - подчеркнула Ирина Ерисанова. - Грузия для Бориса Леонидовича была землей его друзей. Он писал: «Мы в течение столько лет клялись друг другу в любви, и настало время, чтобы слова стали правдой». Для него гибель грузинских друзей Тициана Табидзе и Паоло Яшвили была огромной потерей.

Одной из главных тем на тбилисских встречах была трагедия ленинградской блокады.

«Психика людей в блокаде подвергалась чудовищным видоизменениям. Чувство страха, голода – колоссальный опыт выживания, невероятный способ сохранить себя, чувство собственного достоинства», - говорила Наталия Соколовская.

«Лениздат» выпустил книгу «Человек из оркестра. Блокадный дневник Льва Маргулиса». Это записки скрипача, принимавшего участие в первом легендарном исполнении Седьмой симфонии Шостаковича в

▲ В Малом зале театра им. А.С. Грибоедова

▲ Конференция в Институте грузинской литературы

блокадном Ленинграде. Время записей охватывает самые трагические месяцы жизни города – с июня 1941 года по январь 1943 года.

Недавно переиздана знаменитая «Блокадная книга» Даниила Гранина и Алеся Адамовича. Наталия Соколовская подарила ее специальному представителю премьер-министра Грузии по связям с Российской Федерацией Зурабу Абашидзе на своем творческом вечере.

«Ангел благого молчания: стихотворения и поэмы» – книга «ленинградской мадонны», во многом неразгаданной личности, Ольги Берггольц – тоже увидела свет в нынешнем году. Готовится к публикации основная часть ее дневников – уникального документа эпохи. Часть дневников 1939–1949 годов вошла в книгу «Ольга. Запретный дневник» (СПб., Азбука, 2010).

Потрясением для зрителей стала картина «Блокада: эффект присутствия» Аллы Чикичевой (соавтор сценария Н.Соколовская) – о создании и уничтожении Музея блокады и обороны Ленинграда. «Он слишком явно говорил о блокадных муках ленинградцев и недостаточно о руководящей роли партии и лично товарища Сталина в спасении города» – говорится в аннотации к картине. Музей стал жертвой так называемого «Ленинградского дела» – серии судебных процессов в конце 1940-х – начале 1950-х годов против партийных и государственных руководителей. Их судьбу едва не разделила Ольга Берггольц.

Алла Чикичева подготовила для тбилисцев еще две работы – документальные фильмы «Из жизни петербургских мостов» и «Голоса Петербурга».

▲ Лоретта Абашидзе-Шенгелия и Наталия Соколовская

«Из жизни петербургских мостов» – фантастические зарисовки, в которых гигантские городские сооружения воспринимаются как одушевленные существа, живущие по своим особым законам. «Голоса Петербурга» – редкая возможность услышать Льва Толстого, Осипа Мандельштама, Владимира Маяковского, Максимилиана Волошина.

Гвоздем вечера стала презентация уникального двуязычного издания – билингвы «Вепхисткаосани». Поэма Шота Руставели издана на грузинском языке в Санкт-Петербурге в издательстве «Вита нова» с русским подстрочным переводом. Автор иллюстраций – заслуженный художник Грузии Лоретта Абашидзе-Шенгелия.

Навсегда останется в памяти тепло Грузии

Руководитель проекта Наталия Соколовская назвала произведение «христианской мистерией, начиненной колоссальным количеством смыслов», грузинской библией, великой книгой в истории мировой литературы.

«Работа над проектом продолжалась два года. Все это время мы перезванивались и пересылали тексты через Интернет. Когда Лоретта закончила работу над иллюстрациями, связь с Грузией прекратилась: перестали летать самолеты, ходить поезда и автобусы, закрылась почта. А нам надо было срочно сканировать и сдавать рисунки в издательство. К счастью, помог замечательный человек, немецкий предприниматель Клаус Хипп, спонсор Тбилисской Академии художеств. Он запаковал иллюстрации, взял их с собой в Германию, а оттуда переслал нам в Санкт-Петербург».

«ЯЗЫК КУЛЬТУРЫ – МЕТАЯЗЫК»

В Институте грузинской литературы имени Шота Руставели состоялась круглый стол и переводческий семинар. Вела встречу директор института, профессор Ирма Ратиани. Она отметила «недовключенность» грузинского читателя в процессы, происходящие в современной русской литературе. «Язык культуры, литературы – это метаязык, на котором люди говорили, говорят и будут говорить. Мы должны выстраивать новые отношения, учитывая новый этап истории, новые процессы, идущие на постсоветском пространстве, в мире».

«Молодые практически не владеют русским языком, он им не так близок, как старшему поколению. Предпочтение отдается изучению английского и немецкого. Тем не менее, конференции, семинары проходят у нас на трех языках – грузинском, русском и английском», - рассказала И.Ратиани.

По мнению переводчицы Ирины Модебадзе, политика не должна и не может контролировать процессы, связанные со знанием языка. «Язык, звучащий с экранов российского ТВ, - это не тот русский, на котором должны учиться молодые. Ощутимо засилье Интернета, звуковых книг, произошла коммерциализация книжного рынка, и издательства не интересуются переводами грузинской литературы на русский язык. Хотя кадры переводчиков пока еще есть!»

По мнению И.Ратиани, для развития переводческой деятельности нужны литературные агенты. Она рассказала по просьбе гостей о новых тенденциях в развитии грузинской литературы, назвала ее знаковые имена.

«В прежние времена над переводами работали «люди-институты», а сейчас мы находимся на пепелище, - считает доктор филологии, профессор ТГУ имени И. Джавахишвили Мария Филина. - Выясняется, что нужен новый уровень русско-грузинских отношений и литературных взаимосвязей».

«Первое, о чем мы подумали, - это Тициан Табидзе, которого мы нежно любим, - сказала Наталья Громова. - В моей книге «Узел. Поэты: дружбы и разрывы» он тоже присутствует как герой в связи с Пастернаком. Мы хотели бы издать книгу на русском языке, а может быть, и на грузинском тоже. Меня очень волнуют стихи, воспоминания, письма Тициана. И еще. Мы сейчас везем в Иерусалим планшетные выставки. Можем привезти на планшетах материалы, связанные с Мариной Цветаевой, Ариадной Эфрон, Борисом Пастернаком, и в Тбилиси. Есть возможность проводить вечера поэтов, которые интересны и здесь. Можно читать стихи и по-грузински, и по-русски. Все в наших руках. Моя тема в профессии – литературный быт 20-50-х годов. Я вошла в семейные архивы, старалась снять лакировку действительности, присущую советской литературе, и разглядеть пронзительные смыслы со всеми страхами и неразрешимыми вопросами времени... В центре моей первой книги «Узел» – Борис Пастернак. Человек, кото-

рый не сгибался, жил в соответствии с личной судьбой. Кстати, в каждой моей книге есть грузины и грузинские сюжеты. Давид Самойлов написал: «Отвези меня в Грузию! Здесь я хочу умереть». Это гимн не одного поколения, мечтающего здесь раствориться. И в последней моей книжке эта тема тоже прозвучит».

«К нам, в музей Пастернака, приходят молодые, и мы говорим им о дружбе, братстве поэтов, - поделилась Ирина Ерисанова. - И у юношества появляется другой интерес. Я так рада, что была в гостях у Тициана – в его доме-музее! Есть ощущение, что ты приходишь туда, где тебе положено быть. Через год у Тициана юбилей, и мы должны отметить эту дату вместе. Мы уже начали работать, думаем, как будем вызывать коллег из Грузии. Хотя на официальном уровне ничто сближению и развитию контактов не способствует. Никому настоящему это не интересно. Более того, в чем-то это даже опасно властям, потому что они понимают: возникает нечто более прочное, чем просто какие-то политические отношения...»

Литератор Заза Абзианидзе передал в дар гостям последние издания, вышедшие в Грузии на русском языке.

«ВОЗЬМИ НАС, НАТАША, В ГРУЗИЮ!»

Изумительно теплый по атмосфере, наполненный живыми эмоциями творческий вечер Наталии Соколовской, состоявшийся в Союзе писателей Грузии, завершил проект «Литература – территория памяти».

«В положении, в котором мы находимся, важно знать, что есть люди, с которыми ты можешь говорить напрямую и не бояться, что тебя истолкуют неправильно. Мои друзья просят: «Возьми нас, Наташа, в Грузию!». Они знают, что здесь я прожила почти 10 лет, включая 1989-й, 1991-1992 годы... Вспоминаю строки Анны Ахматовой, «я была тогда с моим народом, там, где мой народ, к несчастью, был».

Когда возникла идея поездки, я пошла к президенту Грузинского землячества Санкт-Петербурга Бадри Кабадзе, человеку, поддерживающему многие культур-

▲ В Доме-музее Елены Ахвледзиани

ные инициативы (в том числе и издание «Вепхисткаосани»). И вот мы приехали».

Наталия Соколовская рассказала о том, что летом в Санкт-Петербурге выходит роман Отара Чиладзе «Шел по дороге человек», а в сентябре в России будет издана его «книга бешеной энергии и силы» – роман «Годори» в прекрасном переводе Александра Эбаноидзе. «Это великий пример того, как можно думать о стране и ее истории. Мы полагаем, что для современной российской литературы очень важно присутствие таких имен в отечественном книжном поле. Вновь вспомним русского философа Михаила Бахтина, считавшего, что только в диалоге культура приближается к пониманию себя самой, глядя на себя глазами иной культуры и преодолевая тем самым свою односторонность и ограниченность».

Недавно вышла в свет третья книга прозы Наталии Соколовской, роман «Рисовать Бога». Писательница называет его «попыткой осмыслить опыт изучения жизни страны в тридцатые годы и опыт работы над блокадными проектами». «Каждый из нас должен проанализировать нынешнюю жизнь и идти дальше. То, что происходит в наших государствах, требует осмысления и душевного участия».

Роман под названием «Литературная рабыня: будни и праздники» был удостоен премии имени Н. Гоголя в 2007 году и вошел в длинный список «Большой книги». Большая его часть происходит в Грузии. В 2011 году вышла книга повестей «Любовный канон», тоже вошедшей в список «Большой книги».

«Почти двадцать лет назад у меня был вечер в Союзе писателей Грузии, - вспоминала Наталья Соколовская. – Присутствовали Джансуг Чарквиани, Отар Чиладзе. Я читала свои переводы из Чиладзе, и он одобрително кивал головой. Это было знаком приятия. Дом, в котором находится Союз писателей Грузии, много значит и для грузинской, и для русской литературы. Председатель Союза поэт Маквала Гонашвили для меня как сестра, мы ведь подружались еще девочками...»

Хозяйка вечера – человек удивительного обаяния и творческой энергии – прочитала свои давние переводы из Тициана Табидзе, Джансуга Чарквиани, Отара Чиладзе и вновь покорила собравшихся совершенством своего стиха, филигранностью техники, ясностью выраженной мысли.

Тбилисцы расставались с гостями с надеждой на новые встречи.

Инна БЕЗИРГАНОВА

Фото Гога Чанадири

▲ Ветераны Великой Отечественной войны во Мцхета

ОНИ ВСЕ ГЕРОИ

9 мая – день особый. День Победы. Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» и Акционерное общество «Сараджишвили» пригласили на торжественный прием около пятидесяти ветеранов Великой Отечественной войны, тбилисцев. И придумали акцию для ветеранов и студентов.

Каждый студент, участвующий в акции 9 мая, отправлялся домой к ветерану, забирал его на торжественный прием, а после отвозил домой. Казалось бы, все просто. Но эффект от задумки получился неожиданный. Совсем еще молодые ребята вдруг открыли для себя целый пласт истории, о котором раньше не знали.

Рассказывает лидер студенческого движения Ника Накаидзе: «Представьте себе, что 18-летние юноши, которые добровольно уходили на фронт, сегодня находятся рядом с нами. Это как попасть в машину времени – разговаривая с ними, мы переносимся в те времена, когда шла война с фашистами».

А чтобы помнили, в первую очередь, нужно постараться не прерывать связь поколений. Именно поэтому была задумана акция для студентов. Большое спасибо студентам факультета социально-политических наук Тбилисского государственного университета им. Ив.Джавахишвили за то, что поняли и прочувствовали ее значимость.

МОИ ВЕТЕРАНЫ

Моими ветеранами стали Татьяна Мардалеишвили и Иване Бутхузи. Сначала поехали за Татьяной Корнеевной. Застала ее, сидящей пред зеркалом. Потом она

повязала голову черной кружевной косынкой, взяла в руки палочку и мы поехали. Татьяна Корнеевна родом из Воронежа. На войне вышла замуж за грузина и оказалась в Грузии. Прожила здесь всю жизнь, воспитала детей и внуков. Ей 89 лет.

Иване Бутхузи своей фамилии не соответствует («Бутхузи» по-грузински – полный). Ему 92 года. Но меня поразило, что в День Победы он с утра один поехал в Парк Победы, а затем вместе с нами во Мцхета. То есть получается, что за день он спустился и поднялся на свой пятый этаж четыре раза. Не все молодые могут это сделать без одышки.

Что поражает в этих людях, видевших такое, что ни в каком боевике не увидишь – это свет в глазах и абсолютно юношеский задор. Надо было видеть, как они подпевали военным песням, как гордо выпрямили спину, услышав звуки марша, приветствовавшего гостей на приеме.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ПРИЕМ

Так принимать умеют только здесь – во мцхетском ресторане «Гуджари». Столы ломятся, но это не главное. Главное радушие, с которым каждый – от владельца Элгуджи Бубутеишвили до официанта встречали ветеранов. Забота, улыбки и бесконечное уважение к гостям, самому молодому из которых 88 лет.

Собравшихся приветствовали президент МКПС «Русский клуб» Николай Свентицкий, президент АО «Сараджишвили» Элгуджа Бубутеишвили, специальный представитель премьер-министра Грузии по вопросам отношений с Россией Зураб Абашидзе, заме-

ститель министра обороны Грузии Леван Долидзе, живущий в Санкт-Петербурге князь Владислав Церетели.

Поздравить ветеранов с самым дорогим праздником пришли президент фонда «Единой верой» Историко-культурного центра «Грузинское дворянство Санкт-Петербурга» Фати Церетели, представители тбилисской общественности, деятели культуры и искусства, сотрудники Секции интересов Российской Федерации при посольстве Швейцарии в Грузии, Союза российских соотечественников в Грузии «Отчизна».

Вечер был бы невозможен без поддержки Тбилисского городского Союза ветеранов войны, труда и вооруженных сил. От имени председателя Союза Мосе Мдинарадзе президент «Русского клуба» Николай Свентицкий был награжден Почетной грамотой.

Накануне Дня Победы представители «Русского клуба» навестили участников Великой Отечественной войны, которые по состоянию здоровья не смогли принять участия в торжествах. Вместе с подарками ветеранам Екатерине Гвиндадзе и Захарии Бериташвили были переданы майский номер журнала «Русский клуб» и аудиодиск «Эх, дороги». А еще – праздничный торт.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ПОДАРОК

«Русский клуб» преподнес ветеранам и музыкальный подарок. Продолжая традицию передачи эстафеты памяти молодым, «РК» выпустил аудиодиск «Эх, дороги». Одиннадцать любимых на всем постсоветском пространстве песен военных лет и о войне исполняет тбилисский «Театральный квартет» - по-новому, разложив их на несколько голосов в традициях знаменитого грузинского многоголосья. В составе квартета – теноры Коба Чепходзе и Ираклий Абджанадзе, баритон Лаша Кервалидзе и бас Отар Ковзиридзе. Музыкальный руководитель «Театрального квартета»

Давид Арчвадзе. В диск вошли песни «Священная война», «Журавли», «Эх, дороги», «Катюша», «Мгновения» и «Песня о далекой родине», «Последний бой», «На безымянной высоте», «Три танкиста», «Смуглянка», «Темная ночь», «Первым делом – самолеты», «День Победы». Их аранжировали Заза Марджанишвили и Котэ Малания. Звукооператор записи Георгий Гига Микаберидзе.

Презентовали диски во Мцхета. А желающие послушать диск могут сделать это на нашем сайте.

Когда зазвучали первые аккорды «Священной войны», ветераны встали и... заплакали. Аплодисментами встречали каждую песню. Кроме «Театрального квартета», для них в этот вечер пели актриса Тбилисского государственного русского драматического театра имени А.С. Грибоедова Ирина Мегвинетухуцеси, певцы Верико Турашвили и Темо Саджая.

А еще, несмотря на возраст, ветераны кружились в танце не хуже молодых. В заключение вечера гостям были розданы памятные подарки.

Да, все-таки удивительные люди ветераны. Они точно выплавлены из другого материала. Переплавлены в этом жутком горниле смерти, ужаса, боли и трагедии. Они все герои, прошли невероятные испытания и закалились. И знаете, этот чудовищный опыт сделал всех оптимистами. Я помню своих стариков – бабушку и дедушку. Даже в самые тяжелые 90-е годы, когда не было ни света, ни тепла, они не теряли, как говорила моя бабушка, бодрости духа. Знали, что все плохое проходит и это тоже пройдет.

Больно подумать, но через 10-15 лет на земле не останется ни одного ветерана Великой Отечественной. И мы – последнее поколение, которое будет их помнить. Этот неумолимый факт обязывает нас ко многому.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

▲ Анатолий Качарава

ЖИЛ ОТВАЖНЫЙ КАПИТАН

Тихим летним днем ледокольный пароход «Александр Сибиряков» шел Карским морем, держа курс на мыс Арктический, один из северных на Северной Земле.

В полдень прошли мимо острова Белуха, что у западного побережья Таймыра. Экипажу поручено важное задание – доставить научных работников и оборудование для организации новых станций, призванных обслуживать арктическую навигацию. В трюмах ящики со снаряжением, продуктами, приборами. На палубе – сборные домики, вельботы, нарты. Здесь же ездовые собаки. На остров направлялась смена зимовщиков. Гидрологи, метеорологи, океанологи, радисты, среди них немало женщин.

Время тревожное. 25 августа 1942 года. Первый помощник капитана Зелик Элимелак проводит информацию о положении на фронтах. Вести не радовали. Капитан корабля старший лейтенант Анатолий Качарава решает объявить учебную тревогу – для проверки боевой готовности экипажа, прежде чем идти во льды.

Звонит телефон. Сигнальщик Иван Алексеев докладывает: «По левому борту замечен корабль, идущий в нашу сторону».

Капитан поднимается на мостик. В окуляре дальномера силуэт большого военного корабля. В штаб Главсевморпути на Диксон летят две радиogramмы. В первой Качарава сообщал: «Вижу на горизонте вспомогательный крейсер противника. Направляется ко мне со скоростью 24 узла». Капитан еще не знает, что к ним подходит не вспомогательный, а тяжелый немецкий крейсер, вооруженный до зубов. Вторая радиogramма: «Крейсер требует данные о ледовой обстановке на пути к району пролива Вилькицкого и мыса Челюскина, сообщить о ме-

стонахождении советского каравана судов».

Замысел врага ясен. Всеми силами надо задержать крейсер, чтобы конвой успел уйти подальше во льды. Одновременно капитан спешит увести «Сибирякова» на мелководье, к острову Белуха, но скорость его всего восемь узлов. У противника огромный перевес в скорости. Чтобы выиграть время, Качарава дает команду сигнальщику: «Запросите по семафору: «Ваше название, национальность?» В ответ: «Сисияма». И требование немедленно прекратить работу радиации.

Сомнений нет – на мачте крейсера поднят краснобелый флаг с паучьей свастикой. Это германский «Адмирал Шеер», посланный из Атлантики в Арктику в сопровождении трех подводных лодок, четырех эсминцев и самолетов береговой охраны, с двумя гидросамолетами-разведчиками на борту. Главный козырь врага в сверхсекретной операции «Вундерланд» (Страна чудес). Под ее показной романтикой скрыта разбойничья цель – разрушить порты Андерма и Диксон, подорвать судоходство на всем Северном морском пути, лишить воюющую сторону важнейшей транспортной магистрали, связывающей фронт с предприятиями Заполярья и Дальнего Востока, топить ледоколы и караваны грузовых судов, идущие с запада к проливу Вилькицкого, стать хозяевами в Карском море.

В то августовское утро «Адмирал Шеер» совершил нападение на полярную станцию мыса Желание, открыл орудийный огонь по радиостанции, ушел на восток и скрылся в Карском море. За несколько дней до этого немецкая подводная лодка обнаружила большой караван судов, идущих к проливу. Крейсер вышел на их курс, но густой туман помешал нападению. Капитану 1 ранга

Вильгельму Меедсен-Больке позарез нужны данные о ледовой обстановке, и он их собирается получить у ледокольного парохода.

На «Сибирякове» готовились к бою. На мостике рядом с капитаном Зелик Элимелаш и старпомом Георгий Сулаков. Наверх вызывается старший механик Николай Бочурко. «Николай Георгиевич, - обращается к нему командир, - мы начинаем бой с фашистским крейсером. Если я погибну или мой помощник, и возникнет угроза пленения судна, приказываю открыть кингстоны и потопить ледокол» - «Будет выполнено. В плен не сдадимся!»

Боевые расчеты четырех судовых зенитных орудий – единственные профессиональные военные на пароходе под командованием младшего лейтенанта Семена Никифоренко открыли огонь по крейсеру, но их снаряды не представляют большой опасности для бронированной плавучей крепости. Попытка поставить дымовую завесу неудачна, погибает при этом Георгий Сулаков.

Между тем, «Адмирал Шеер» начал разворачиваться правым бортом и дал залп из двух башен – недолет. Вторым залпом на «Сибирякове» снесло кормовую артиллерию, убит командир Никифоренко. На корме пожар. Падающей мачтой повреждена антенна. Связь с Диксоном потеряна. Старшина Михаил Сараев при непрекращающемся обстреле корабля взбирается на уцелевшую мачту и устанавливает антенну. Связь восстановлена!

Залп по носовой палубе вызвал пожар, пламя подбегает к бочкам с бензином, складу боеприпасов. Взрыв. Огненные потоки бегут по палубе. Матрос Иван Малыгин с группой краснофлотцев пытаются ватниками погасить горящий бензин.

Фашисты шрапнельными снарядами обстреливают пароход, этот горящий факел. Под снарядами гибнут члены экипажа и пассажиры-полярники.

Анатолий Качарава потом вспоминал: «Снова чудовищный взрыв. Что-то вбивается мне в живот, отбрасывает с силой руку... Сквозь звон в ушах до меня доносятся едва слышные слова судового врача Вали Черноус: «Товарищ командир, Анатолий Алексеевич, Толя...»

Все еще сжимающий телеграфную ручку, командир теряет сознание.

Врач Валя Черноус, буфетчица Наташа Римкис, уборщицы Аня Котлова и Варя Деснева, повар Даша Колкунова не уступали в мужестве бывалым морякам. С началом боя они превратили кают-компанию в лазарет, перевязывали раненых, пока их жизни не оборвал разорвавшийся в кают-компании тяжелый снаряд.

В эти трагические минуты командование кораблем берет на себя комиссар Элимелаш.

В горячей радиорубке радист Анатолий Шаршавин открытым текстом оповещает Арктику: «Всем! Всем! Ведем бой с фашистским крейсером «Адмирал Шеер». Имеем прямые попадания снарядов. Горим. Продолжаем вести огонь. Капитан тяжело ранен – без сознания. Много убитых. Комиссар приказал покинуть судно. Прощайте. 14 часов 05 минут. Шаршавин».

К тому времени в живых остается чуть больше двад-

▲ На боевом посту

цати человек, многие тяжело ранены.

Итак, дан приказ всем покинуть судно, вплавь и на подручных средствах добираться до далекого острова Белуха. Одну полуразбитую шлюпку удается спустить на воду. В последний момент боцман заметил, что капитан, а его считали погибшим, шевелится и стонет. Павловский берет командира на плечи и переносит в шлюпку.

На «Сибирякове» остается старший механик Николай Бочурко. Помня приказ капитана, он прощается с товарищами, живыми и мертвыми, спускается в трюм и открывает кингстоны... Вместе с ним погиб шифровальщик Михаил Кузнецов. Незадолго до этого он сжег судовую переписку – шифры и коды ледовых донесений.

«Адмирал Шеер» приближается к непокоренному ледокольному пароходу. В этот момент «Сибиряков», еще живой, вздрогнул всем корпусом, резко накренился и медленно стал тонуть. Скоро над ним сомкнулись холодные воды Карского моря.

Известно точное время гибели героического парохода – 25 августа 1942 года, 14 часов 20 минут.

Вице-адмирал Иван Папанин в своей книге «Лед и пламень» писал: «Гитлеровцы полагали, что, оценив мощь тяжелого крейсера, команда советского парохода спустит флаг и сдастся в плен. Враги просчитались – команда «Сибирякова» осталась до конца верна своей Родине...»

Сибиряковцы не спустили советского флага. Их ко-

рабль, растерзанный тяжелыми снарядами, ушел в морскую пучину с реющим флагом...»

Пока сибиряковцы вели смертный бой с германским крейсером-душегубом, приняли на себя огонь десятков разящих орудий, советский конвой судов успел войти во льды, став недосягаемым для врага.

Операция «Вундерланд» провалилась – маски с морских разбойников были сорваны.

«Адмирал Шеер» поспешил унести ноги из Карского моря, ему не улыбалась встреча с кораблями Северного флота, которых ценой собственной жизни оповестили моряки «Сибирякова». Капитану Вильгельму Меедсен-Больке пришлось распрощаться с мечтой о ленте с мечами к рыцарскому кресту и адмиральскими погонами. Ему противостояли сильные духом люди, которые спасли два каравана из двадцати пяти транспортов с важными для фронта стратегическими грузами и экипажами моряков.

О масштабах большой беды, которую «Сибирякову» удалось отвести, говорит июльская того же сорок второго года катастрофа с полярным конвоем RQ-14. В него вошли 35 английских, американских и панамских судов. Объединенный конвой союзников вышел из Исландии и взял курс на Мурманск. Брошенный на произвол судьбы приказом Английского Адмиралтейства, которое в категорической форме настаивало на отходе, а фактически позорном бегстве военно-морского охранения транспор-

ряков, оказавшихся в шлюпке с затонувшего корабля.

В начале сентября сорок второго в сухумскую квартиру Качарава пришел почтальон и вручил родителям – Алексею Петровичу и Надежде Павловне похоронку. Начальник Архангельского морского пароходства Главсевморпути А.Бондаренко сообщал, что их сын «Качарава Анатолий Алексеевич погиб в бою за Родину, проявив при этом мужество и стойкость. Архангельское пароходство в связи с этой утратой выражает Вам свое глубокое соболезнование».

Но героя хоронили преждевременно – он жив. Из архивных документов фашистской Германии, судового журнала «Адмирала Шеера» стало известно, что в захваченной шлюпке «Сибирякова» было 28 человек. Десять из них отказались подняться на борт вражеского крейсера, были расстреляны и потоплены вместе со шлюпкой. 18 человек, тяжело раненных, захватили в плен. Запертые в трюме моряки решили капитана не выдавать, называть метеорологом.

Так начались для них круги лагерного ада. Вначале их заключили в лагере военнопленных на севере Норвегии. В Нарвике фашисты замучили пытками пятерых сибиряковцев, но так и не узнали тайны шифра радиопередач между ледокольным пароходом и островом Диксон. По доносу предателя гитлеровцы все же дознались, что Качарава никакой не метеоролог, а капитан. Его перевели в концлагерь Штуттоф под Гданьском.

На вопросы о трех годах в неволе Анатолий Алексеевич отвечал неохотно и предельно скупой: «Ждали. Надеялись. Сколько могли, боролись». Спасение пришло в лице танкистов 10-й гвардейской дивизии 2-го Белорусского фронта в феврале сорок пятого.

В конце апреля Анатолий Качарава был отозван в город Уфу, в фильтрационный лагерь, где прошел госпроверку, терпеливо отвечая на вопросы следователей компетентных органов. Ходатайство адмиралов командующего Северным флотом Арсения Григорьевича Головки и начальника Главсевморпути Ивана Дмитриевича Папанина и многих других спасло его от колымских лагерей.

Решением Военсовета Южноуральского военного округа его направляют в распоряжение Главсевморпути. По предложению адмиралов Качарава наградили почти одновременно двумя орденами Красного Знамени. Впоследствии к ним добавились еще три награды за мирный труд – ордена Ленина, Октябрьской Революции, Дружбы народов.

Контр-адмирал Константин Степин, в прошлом командир ледокольного парохода «Дежнев», писал: «Надо было иметь гражданскую смелость, чтобы защитить право

на подвиг экипажа «Сибирякова» и его прославленного капитана Анатолия Качарава, снять со многих печать «изменников Родины», чем неизменно клеймили безоговорочно всех пленников, независимо от того, при каких обстоятельствах пленение состоялось. Кто знает, какие бы жертвы еще принесла на алтарь победы Советская Арктика, если бы ценой собственных жизней сибиряковцы не оповестили Север о вероломном вторжении врага. Это и есть подвиг в высшей степени его понимания – за гибель одних продолжается жизнь других...»

Арктика вошла в жизнь Анатолия Алексеевича Качарава героикой буден и больших трагедий. В июне 1952 года, в начале арктической навигации, когда ледокольный пароход «Леваневский» подходил к проливу Карские Ворота, капитан получил самую страшную радиogramму. 14 июня трагически погибла его жена – знаменитая киноактриса, лауреат Государственной премии и народная артистка Грузии Ната Вачнадзе, в самолете, загоревшем-

▲ Кирилл Лавров, Константин Симонов, Анатолий Качарава. Москва. 1976

тов, конвой подвергся массированному налету германских подлодок, боевых кораблей и авиации.

Итоги кровавой бойни были ужасные – 23 транспорта были сожжены и потоплены. Танки, самолеты, всевозможные материалы, продовольствие... А главное – люди... Они до самого конца не теряли достоинства, проявили волю, смелость, стойкость в экстремальных условиях неравного боя.

Командующий Северным флотом адмирал Арсений Головка какое-то время не располагал информацией с места событий в Карском море: «По всей вероятности «Сибиряков» был потоплен, а его люди погибли, самоотверженно исполнив свой долг, задержав фашистский рейдер на один час десять минут, но, возможно, и дольше».

Счет действительно шел на минуты.

Долгое время оставалась неизвестной судьба 28 мо-

▲ Танкер «Капитан А. Качарав»

ся от удара молнии. Несколько дней назад в Мурманске она проводила мужа в Арктику, и летела через Москву домой, в Тбилиси...

29 апреля 1961 года Президиум Верховного Совета СССР вспомнил о подвиге Полярного «Варяга» и награбил орденами Отечественной войны 1 степени и Красной Звезды еще 8 членов героического экипажа. И так, 9 награжденных из 39. 80 человек ушли на дно моря, остались безвестными.

Этот вопрос, естественно, волновал капитана, который после учебы в Херсонском морском техникуме, на судоводительском отделении Владивостокского рыбопромышленного техникума, в Ленинградском Высшем инженерном морском училище, трех десятилетий службы на судах арктического флота вернулся на родину, организовал и в течение десяти лет возглавлял Грузинское морское пароходство.

Почетного полярника, почетного работника и лучшего капитана Минморфлота СССР, героя войны, депутата Верховного Совета Грузии, участника самых престижных форумов связывала дружба со многими выдающимися людьми – они не раз посещали батумский дом Качаравы, где гостей встречали радушные хозяева: капитан с супругой Назо Яковлевны, их очаровательная дочурка Додо-Надя (кстати, сын Надежды Анатольевны, Анатолий унаследовал семейную традицию – окончил Батумское мореходное училище, стал судоводителем).

Назо Яковлевна, вдова капитана, рассказывала: «Когда Анатолий Алексеевич еще плавал на Севере, он бывал у острова Белуха. Возвращаясь домой, вспоминал погибших друзей – комиссара Элимелаха, старшего помощника Сулакова, старшего механика Бочурко. Он хорошо помнил людей, с кем был на «Сибирякове», погибших в том бою, и очень радовался, что они не забыты, их именами названы острова в архипелаге Норденшельда. И они всегда слышали гудки судов (ледокол «Илья Муромец», ледокольный пароход «Леваневский», дизель-электроход «Байкал», пароход «Тбилиси» - А.Е.), на мостике которых стоял Качарав. Это были голоса памяти. Позднее, когда мы уже жили в Батуми, он все мечтал

снова побывать в тех местах. «Давай отважмся, Назо, – говорил он мне. – Я хочу отвезти им двести цветов». Он так решил – двести. И даже строил планы добраться до острова Белуха к 25 августа, ко дню подвига.

Вдова решила, что поедет, должна поехать. В министерстве обещали помочь выполнить последнюю волю капитана. Потом был звонок из Архангельска: в конце августа туда пойдет теплоход.

Так далеко на север Назо Яковлевна еще не забиралась, ходила с мужем только до Диксона. Экипаж судна уже знал, кто их пассажирка. На встрече в кают-компани она рассказала о муже и его друзьях, кто нашел вечный покой в водах Арктики. Моряки узнали, что их собеседница – директор профессионально-технического училища, где готовят моряков торгового флота.

...Женщина опускала на воду двести алых, как кровь, венков от капитана. Потом она на катере с танкера «Ардатов» добралась до Белухи, к маяку, где установлена мемориальная доска экипажу героического корабля.

Свой первый подвиг корабль, носящий имя русского золотопромышленника и мецената, исследователя Сибири Александра Михайловича Сибирякова, совершил в 1932 году, пройдя за одну навигацию первым сквозным плаванием по Северному морскому пути из Белого моря в Берингово. Тогда корабль-ветеран Арктики был награжден орденом Красного Знамени. Легендарный поход возглавляли капитан ледокольного флота Владимир Иванович Воронин и крупный ученый Отто Юльевич Шмидт.

Ноябрь 1982 года. Анатолий Алексеевич Качарав, уже тяжело больной, был дома в праздничный день, когда услышал духовой оркестр Батумского мореходного училища. «Назо, подай мне китель, – попросил он жену, – тот самый, белый».

Строевым шагом по улице Руставели шли курсанты и преподаватели училища, держа равнение направо, на знакомый дом. На его балконе стоял высокий худой человек в белом кителе, приложив руку к морской фуражке.

Капитан Качарав принимал последний парад.

Арсен ЕРЕМЯН

С ГОРДОСТЬЮ И БОЛЬЮ

«Там, на русской земле, погибали люди разных национальностей и верований... Вдовы в черном, калеки и инвалиды, я их видел повсюду в моем родном Кутаси, слезы и страдание моей бабушки. Эти образы мучили меня до тех пор, пока я не создал пьесу – этот реквием по Сталинграду». Слова замечательного режиссера и сценариста Резо Габриадзе могут стать своеобразным эпитафием к поездке делегации Грузии в Волгоград в конце апреля. Там, в преддверии 68-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, торжественно отметили знаменательную круглую дату – 70-летие победоносного окончания Сталинградской битвы, сражения, внесшего коренной перелом в самую кровопролитную войну в истории человечества.

За твердыню на Волге сражались десятки тысяч представителей Грузии, проводившей на фронт 700.000 человек – каждого пятого своего жителя, из которых почти половина не вернулась. Сталинградское небо защищали командир истребительной авиадивизии Эстате Татанашвили, Герой Советского Союза, заместитель командующего воздушной армией Владимир Нанеишвили, командир авиадивизии Шалва Чанкотадзе, летчицы Т.Мелашвили, И.Осадзе, Г.Турбелидзе, летчики Н.Абрамишвили, Б.Зумбулидзе, Д.Тавадзе, З.Хиталишвили и Ч.Бенделиани, о котором на его родине сложили песню. На земле громили гитлеровцев командир гвардейского стрелкового корпуса Порфирий Чанчибадзе, командиры стрелковых дивизий Николай Каладзе, Николай Таварткиладзе и Кирилл Джахуа, Герой Советского Союза командир стрелкового полка Михаил Диасамидзе, тысячи грузин – офицеров,

сержантов и рядовых, личным примером поднимали бойцов в атаку политработники Варлам Джанджгава и Михаил Чиковани... Из всех них на торжества в нынешнем году сумел приехать лишь один – заместитель председателя Тбилисского городского совета ветеранов войны и Вооруженных Сил Давид Якобашвили. Он в первые дни войны, вместе с одноклассниками, добровольцем ушел на фронт.

Ветеран вошел в состав делегации, которая участвовала в работе III международного историко-культурного форума «Великая Победа, добытая единством: народы Кавказа в битве за Сталинград», который пройдет в Волгограде 25-26 апреля. Делегация, возглавляемая президентом Международного культурно-просветительского Союза (МКПС) «Русский клуб» Николаем Свентицким, возложила венок к памятнику-ансамблю на Мамаевом кургане «Героям Сталинградской битвы», посетила музей-панораму «Сталинградская битва», места ожесточенных боев с гитлеровцами – мельницу Гергардта и Дом Павлова, в числе защитников которого были и воины из Грузии. На «уроке мужества» в одной из волгоградских школ Давид Якобашвили рассказал о своем участии в Сталинградской битве. А в концерте с программой песен военных лет с успехом выступили грузинские исполнители Верико Турашвили и Темо Саджая.

На сессии представителей молодежных движений из Москвы, российских регионов Северного Кавказа и государств Южного Кавказа «Историческая память о Великой Победе глазами молодых» выступили студенты Тбилисского государственного университета имени Иванэ Джавахишвили, представители молодежного крыла «Русского клуба» Торнике Мирзиашвили и Ника Накаидзе. Тема их доклада была очень актуальна для сегодняшних дней – «Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне как фактор миротворчества и единения». Вот лишь одно из положений этого выступления: «Нам кажется, что память о Великой Отечественной – это и государственное дело, и личное дело каждого гражданина. Мы не воевали. Но в память о наших дедах нам надо довоевывать и доказывать, что они сражались не зря. Потому что еще существуют фашизм и терроризм, национализм и ксенофобия...»

Рассказав о той большой работе, которую «Русский клуб» проводит по увековечиванию памяти о Великой Отечественной войне и укреплению российско-грузинских связей, студенты сообщили и о новой инициативе – провести международный творческий конкурс для детей и юношества «Память», посвященный теме войны и победы. В нем смогут участвовать школьники и студенты из всех государств, образовавшихся на территории бывшего СССР. Им будет предложено представить любую творческую работу на военную тему – фотографию, рассказ, стихотворение, рисунок... А обязательное условие – работа должна носить личный характер, то есть быть посвящена предку конкурсанта – участнику войны, труженику тыла, очевидцу военных событий. По итогам конкурса предлагается издать сборник самых интересных работ. Авторами его впервые на постсоветском пространстве станут дети, подростки и юноши, посвящающие свое творчество теме Великой Отечественной войны. «Это и будет живой пример исторической памяти», - считают в «Русском клубе», который готов взять на себя всю организационную сторону такого конкурса.

Владимир ГОЛОВИН

В совсем недавнем прошлом известный футболист, а ныне - министр энергетики и природных ресурсов Грузии Кахи Каладзе красиво оформил завершение спортивной карьеры, о котором объявил еще в прошлом году. На переполненном стадионе «Динамо Арена» в Тбилиси 60 тысяч зрителей увидели увлекательный прощальный матч между звездами-ветеранами «Милана» и «Друзьями Каладзе» из тбилисского и киевского «Динамо». Сам виновник торжества сыграл по тайму за каждую из команд. В итоге выиграл «Милан» - 3:1.

Фото Гога Чанадири

▲ Участники спектакля «Цареубийцы»

КОГДА БОГ УЛЫБАЕТСЯ...

В Тбилиси приезжает знаменитый театр НЭТ – Волгоградский государственный Новый Экспериментальный Театр.

Слава НЭТ давно уже бежит впереди него самого. Теперь грузинские театралы получили счастливую возможность воочию убедиться, насколько репутация яркого, зрелищного и в то же время глубокого и умного театра соответствует реальности.

На сцене Тбилисского государственного театра имени Шота Руставели волгоградцы представят постановку «Цареубийцы» по драматической трилогии Алексея Толстого «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис». И музыкальную комедию Кена Людвиг «Примадонны».

*В гости к «Русскому клубу» пришел **Отар Джангиджашвили** – создатель, бессменный художественный руководитель, главный режиссер и директор НЭТ, народный артист России, кавалер орденов Почета (РФ) и Чести (Грузия), лауреат Государственной премии им. Ф.Волкова и премии им. К.Станиславского, академик Международной театральной академии, председатель регионального отделения СТД России.*

- Каким ветром вас, к нашей радости, занесло в Тбилиси?

- Попутным. Мы приехали на гастроли. Точнее – для культурного обмена. Это моя идея, которую поддержали волгоградские власти, - восстановить мосты между Грузией и Россией. Мы привезли русский театр, которым руководит грузин. И большой патриот Грузии. Знаете, мою фамилию ни один русский с первой попытки не может

произнести правильно. Тем не менее, я не стал ее менять и не взял псевдоним – это было бы оскорбительно по отношению к моим предкам. Меня поддерживало чувство безумной любви к Грузии. А еще – огромное уважение к русскому народу.

- А каково вам было с вашим патриотизмом в последние годы, самые тяжелые для отношений России и Грузии?

- Ко мне было особое внимание. У меня брали бесконечные интервью. Чем мог, я противостоял огромной антигрузинской пропаганде в российской прессе. Я говорил и сейчас повторю – переходить Рубикон нельзя было ни одной стороне, ни другой. Это стало фатальным шагом. Потребуется много десятилетий, чтобы исправить положение. Но если иметь в виду глубокую эмоциональную связь между нашими народами, особенно среди интеллигенции, то все поправимо. Неприязни категорически

не существует.

- А что отвечать тем молодым людям, которым за прошедшие пять лет успели вдолбить в голову, что Россия – враг?

- Смотрите сами: у нас семьдесят лет была одна идеология – гегемон, КПСС, спаситель мира и так далее. И в рамках этой идеологии мы зомбированно существовали. И никто не протестовал. За исключением высоких интеллектуалов, диссидентов. Их было мало. Остальная часть маршировала. Но началась перестройка, и за два-три года все было забыто. Понятие свободы мгновенно, как град, обрушилось на мозги и души, и зомбированных людей больше нет, за исключением каких-то националистов и прочих выродков. Да и молодежь бывает разная. На форум ко Дню Победы в Волгоград с Николаем Свентицким приехали грузинские студенты. И я увидел здоровых ребят, которые быстро нашли общий язык со своими российскими сверстниками. Я вас уверяю, что неприятия в молодом русском сообществе нет. Они не воспринимают политическую пропаганду как часть своей жизни. Просто Грузия – маленькая страна. Здесь была война, и, конечно, эмоций, в том числе и неприязненных, здесь больше. Со временем все уляжется.

- Россия стала вашей второй родиной. Как это произошло?

- Я родился в маленьком городке Гори. Но это была не совсем провинция – город находится рядом с Тбилиси, полтора часа на электричке. Там был знаменитый Горийский театр, в котором работали репрессированные режиссеры и актеры, которым не разрешали жить в Тби-

и на меня все оглядывались. Я-то думал, все смотрят, какой я красивый... В первый же вечер в номер постучали. Открываю – стоит молодой парень с бабочкой (потому я потом бабочку и купил), иностранец, с тортом. Рядом переводчик, который говорит – познакомьтесь, это иностранец, пианист, у него день рождения, он по-соседски угощает. Это был Ван Клиберн. Меня пригласили на банкет, я был и на его концерте... Во ВГИК к Герасимову я, конечно, не поступил. Не поступил и в ГИТИС, где на отборочном туре читал Гончарову монолог Гамлета на грузинском языке. Устроился осветителем на киностудию. Но так сложилось, что спустя год я вернулся в Тбилиси и поступил на курс Михаила Туманишвили.

- Учились легко?

- Нет, это были муки. Я знал меньше, чем мои старшие товарищи, и понимал, что отстаю. Комплексовал, пытался наверстать, очень много читал. Но самые главные уроки я получил от Михаила Туманишвили. Его фанатичная влюбленность в театр, интеллигентность, одухотворенность, скрупулезное внимание к внутреннему миру человека... Он абсолютно отрицал невежество. У него я научился тому, что самое главное – это знания. А еще тому, что режиссер должен быть сильным перед артистом. Артисты хотят получить ответы на все вопросы, и им нужен режиссер-диктатор, которого они любят.

- А режиссер имеет право сказать «я не знаю»?

- Конечно. Откровенность очень важна. Взаимоотношения артиста и режиссера – это как интим. Любой фарс наказуем. Нельзя притвориться, что ты Тарзан, если ты не Тарзан. И если ты чего-то не знаешь, должен быть честен.

- Вы ушли в армию после второго курса?

- Да. У меня блата не было. Но если бы я не попал в армию, то ничего в жизни не понял бы. Я бы не стал мужчиной, способным нести ответственность, постоять за себя. Приходилось защищаться кулаками, зубами. Армия – тяжелейшая школа. Но именно она помогла мне выстоять в жизни.

- Вы не вернулись доучиваться в Тбилиси после армии?

- К тому моменту Михаил Иванович уже выпускал свой курс. То есть, чтобы вернуться к Туманишвили, мне надо было подождать, пока он наберет первый курс и начать учиться сначала. И тут все разрулилось само собой. Я служил в Прибалтийском военном округе. За неделю до демобилизации вышел в увольнение. Иду по Калининграду, смотрю – оцепление. Что такое? Кино снимают. Кто снимает? Грузины. На площадке – Резо Чхеидзе, Серго Закариадзе. А в свое время я студентом стоял в массовке на сцене театра Руставели, когда Закариадзе играл в спектакле «Пиромани». Помню, он весь в образе, выжимает слезу, зал плачет, аплодирует.

А он поворачивается спиной к залу, подмигивает нам и шепотом спрашивает: «Ну что, тяжело?» Артист... Так вот, Чхеидзе мне рассказал, что Украинский государственный театр и кафедру режиссуры в Институте театра и кино возглавил Дмитрий Алексидзе. И посоветовал поехать в Киев. Я так и поступил. Поехал в форме, с солдатским чемоданчиком и солдатскими копейками. Подхожу к институту, и вдруг мне навстречу идет сам Алексидзе. Сразу меня за руку – и к ректору. Как он меня расписал! «Это лучший студент, самый талантливый, уехал из Грузии, чтоб учиться у меня...» И я стал студентом Киевского института театра и кино. На третьем курсе поставил «Гамлета». Это было довольно свободное прочтение пьесы. Премьера стала сенсацией. Набежали журналисты. И я в интервью противопоставил моего Гамлета всем остальным, поставленным до меня великими режиссерами. На следующий день я купил себе шляпу, закурил сигару. Отправился в институт. И встретил в коридоре Додо Алексидзе, который держал в руках газету с моим интервью

▲ Сцена из спектакля «Примадонны»

лиси. В театральную среду попал случайно – меня заняли в спектакле во Дворце пионеров, я играл царя Ираклия. Вышел на сцену и сразу же заразился этой атмосферой. В школе я хорошо учился только по гуманитарным предметам. Занимался боксом, имел разряд. И очень плохо знал русский язык. Но все-таки поехал в Москву поступать во ВГИК. На дорогу отец дал мне 25 рублей и бумажку, на которой были записаны фамилия, имя и отчество человека, с которым он вместе воевал. Приехал в Москву, обратился в справочную, и мне дали телефон этого человека. Я представился. Тот спрашивает: «Где ты находишься?» – «У Телеграфа на улице Горького» – «Стоять там, сейчас подъедет машина». Стою. Подъезжает черная «Волга». И тут выяснилось, что однополчанин моего отца оказался генерал-полковником КГБ. В тот же день он поселил меня в гостинице «Националь». Я сразу купил бабочку (их продавали в гостинице). Только представьте – на мне был отцовский костюм на два размера больше, китайские сандалии и бабочка. Я шел по улице Горького,

▲ Сцена из спектакля НЭТ

«Мой Гамлет». «Твой Гамлет? Откуда у тебя твой Гамлет?» - закричал Алексидзе и разорвал газету о мою голову. Это был шок. Но отрезвляющий. Конечно, интервью было очень амбициозное. А сейчас я думаю – ну и что? У меня были основания для амбиций – я учился в институте лучше всех. Ведь я изменил себя в армии – много читал. Так что амбиции были. И уверенность в себе. А потом Алексидзе дал мне возможность поставить дипломный спектакль в Тбилиси – «Укрощение укротителя» в театре Марджанишвили. Но я был очень мягким, не умел отказывать. Вот деликатность меня и погубила. Когда Додо пришел смотреть мои репетиции, то вмешался. И перепыхал на свой лад. И все, что я хотел сделать, не сделал.

- То есть вы должны были сказать ему «нет»?

- Конечно. Но я не хотел конфликтовать, потому что мне непременно надо было получить диплом и вернуться в Киев – я был влюблен в самую красивую балерину Украины, приму Киевского оперного театра. Безумной любовью. Я не стал спорить с Алексидзе. И получился плохой спектакль. Но что поделаешь? Я испил эту чашу до дна, получил диплом и уехал в Киев. Потом в Москву – искать работу. И мне опять, как всегда в сложные моменты жизни, повезло. Заходим мы с другом в ресторан ВТО, а там сидят актер Отар Эгадзе и драматург Георгий Мдивани, который как раз искал режиссера для своей пьесы к юбилею Победы. Это была бездарная пьеса.

- И вы взялись за нее?

- Поймите, мне предлагали работу. В Московском театре имени Пушкина. Конечно, взялся. Позвонил Теймуразу Мурванидзе, он прилетел в Москву. Сделал макет. Спектакль был выстроен так, что персонажи – какие-то бригадиры, парторги – выглядели идиотами. Публика это просекла. На третьем спектакле у театра стояла конная милиция. И спектакль закрыли. Но шуму он успел надевать. И благодаря этому шуму меня приютили в ВТО. Видите как? Там случай, тут случай. Всегда, когда я попадал в трудные ситуации, бог улыбался мне...

- А приглашение возглавить Петрозаводский театр – это тоже была улыбка бога?

- Судите сами. В 1977 году, в Карелии в театре Петрозаводска был конфликт. Труппа раскололась. Мне – беспартийному грузину – предложили возглавить этот театр. Я согласился. И, говоря коротко, все там наладил. За пять лет театр настолько продвинулся и прославился, что ЦК КП Грузии попросил меня возглавить Грибоедовский театр.

- Неужели вы отказались?

- Отказался. И вот почему. Я приехал в Тбилиси. Иду в

ЦК, и мне там говорят – мы хотим, чтобы вы возглавили театр Грибоедова. И направляют меня к министру культуры Отару Такашвили. А тот встречает меня довольно кисло. В кабинете у него сидит какой-то человек, и Отар начинает говорить – мы рады, мы вас уважаем, но знаете, вот этот человек, очень хороший режиссер, ушел из Оперного театра, и я хотел направить его в Грибоедовский. Ну что ж, я оценил ситуацию. Меня хочет назначить ЦК. Но у меня-то театр уже есть, а у этого человека нет. И я уехал обратно в Петрозаводск. А тот человек был Гизо Жордания, который стал главным режиссером Грибоедовского и успешно проработал там много лет.

Я возглавлял театр Петрозаводска девять лет, когда меня пригласили в театр Нижнего Новгорода. Я приехал. Ужас – в труппе 14 народных артистов СССР! Сама труппа – 110 человек. Балласт. Начал работать, набрал команду. К концу года за билет в наш театр давали покрывало от «Волги». Вспомните, какой роскошью была «Волга» и каким дефицитом – покрывало. И тут началась перестройка. Я ставил публицистические спектакли – Арро, Шатрова. И после каждого спектакля зрители задерживались до двух-трех часов ночи – спорили, обсуждали... В 1988 году меня назначили художественным руководителем театра. И я стал первым в СССР, кто получил такие права – единоначалие в театре. Кроме того, несколько раз выступил в прессе, писал, что состояние театра плачевно, предлагал сделать его свободным, на контрактной основе. И ко мне приехала делегация из Волгограда, где незадолго до того разразился скандал – местный театр до того себя довел, что публика перестала ходить в театр вообще, и его закрыли. И меня просят – вот вы пишете, что знаете, как создать успешный театр. Вот вам наш театр – приезжайте!

- Не хотели соглашаться?

- Я поехал, чтобы отказаться. Приезжаю, иду к первому секретарю райкома партии. Он мне говорит: «Мы согласны на все ваши условия. Что вы хотите?» Я начинаю: «Здание театра надо полностью перестроить» – «Сделаем» – «Надо установить новое оборудование» – «Дадим.

▼ На репетиции

Поедем к Горбачеву, он подпишет» – «Нужно собрать труппу. Человек 50. Им нужны квартиры» – «Дадим» – «Я привезу артистов из Горького. Им тоже нужны квартиры» – «Дадим» – «А мне нужна правительственная дача» – «Построим». Я начинаю потеть. Что же такое? Как отказаться? Все решается на глазах, за 15 минут. Ну, думаю, надо попросить что-то такое, чего не смогли бы дать. И говорю: «Мне нужна персональная «Чайка». А в то время в области было две «Чайки» - у первого секретаря и для самых высоких гостей. А они: «Дадим». И, кстати, на следующее утро мне в гостиницу привезли ключи от «Чайки». Понимаете, как они хотели, чтобы я согласился?

- Вы не боялись, что не оправдаете ожиданий?

- Я был абсолютно уверен, что могу это сделать. И сделал. Меньше чем за год я собрал труппу – ездил по всем вузам России, выбирал выпускников. Провел полную реконструкцию здания. Завез новое оборудование. Расселил артистов по новым квартирам. Сделал один из лучших залов в стране по акустике и красоте. И выпустил два спектакля – «Ромео и Джульетта» и «Самоубийца». В течение полугода нас не принимали старые театралы, актеры...

- А зритель?

- Народ повалил валом.

- Вам ведь это и надо было в первую очередь?

- Понимаете, некоторые режиссеры рассуждают так – мы ставим для умных людей, а кто не придет на наши спектакли, те дураки. Я так не считаю. Если хочешь поставить то, что хочешь только ты, тогда и плати за все сам. Мы создаем продукт, который продается. Человек должен потратить свои заработанные деньги и купить билет в театр – купить то, что ему нравится, что он заказывает.

- В то же время за этот продукт не должно быть стыдно, правда? Мало ли на что народ повалит.

- Если тебе будет стыдно, то никто и не повалит. Народ не дурак. Театралы – это пять процентов населения. А мы 25 лет живем на стопроцентных аншлагах. Играем 6 дней в неделю. И нам нужно каждый раз собрать 700 зрителей. А билеты недешевые.

- Как вам это удается?

- Мы были первым театром в СССР, который перешел на контрактную основу. Кстати, за 25 лет я насильно не уволил ни одного человека. В театре сложились особые отношения – семейные. И культурные. Я не кричу ни на кого. Хотя я – директор, худрук, главный режиссер, постановщик. И поставил 80 спектаклей. Надо пахать. Иначе нельзя. Трудолюбие и работоспособность – это главное.

- В вашем театре ставите только вы?

- У нас ставили американцы. Но публика не пошла. Один провал, второй, третий... И я как директор говорю себе, худруку – ты не имеешь права на провал, ты должен заработать мне деньги. Актеры в нашем театре получают больше, чем в любых других российских театрах. Этот уровень надо держать. И поэтому я не могу ставить неуспешные спектакли.

- А почему американцы провалились, а вы не знаете провалов, тьфу-тьфу-тьфу...

- Я практик. Чем можно удержать зрителя? Зрелищем! У нас в репертуаре – Шекспир, Дюрренматт, Чехов, Лермонтов. А процентов 40 – комедийные, ярко поставленные пьесы. Вообще, когда ты приучил зрителей, и они хотят к тебе ходить, то они тебе прощают «Маскарад». И смотрят его не потому, что их очень волнует судьба Арбенина и философия Лермонтова. Они потрясены зрелищем.

- А как же спектакли Любимова, например, «Преступление и наказание», где пустая сцена, свет – и все? Это не для вас?

- Это возможно. В нашем спектакле «Цареубийцы» на сцене – три доски. А публика после спектакля аплодирует стоя.

▲ «Цареубийцы»

- Чем сегодня живет ваш театр?

- В июне театру исполняется 25 лет. Мы готовимся к юбилейному сезону. А сейчас живем приездом в Тбилиси. Для театра очень почетно выступить на сцене театра Руставели. Это событие. Ко мне в театре относятся тепло и нежно. И так же относятся к моей родине, любимой Грузии.

- Почему вы решили привезти в Тбилиси именно эти спектакли?

- «Цареубийцы» - это актуальный политический манифест. Жесткий спектакль о власти, о том, насколько это страшная вещь, как она уничтожает, съедает человека. И насколько несчастен тот, кто одолен этим недугом – жаждой власти. Второй спектакль, который мы привезли в Тбилиси, - музыкальная молодежная комедия. Помните фильм «В джазе только девушки»? Примерно такая же история про двух талантливых молодых артистов.

- Чего вы ожидаете от этих гастролей?

- Конечно, успеха! (Смеется). Для нас в этих гастролях самым важным является вопрос восстановления культурных связей между народами. Я рад, что ваш руководитель, Николай Свентицкий, так сердечно и эмоционально проникнут заботами об этом. Кстати, он популярен и уважаем в культурных кругах России. В Москве и даже на периферии его знают как фанатика, влюбленного в свое дело, как миссионера, который несет крест – сохранить русские гены в культуре другой страны.

Важно, чтобы в Грузии, понимали, что грузины, которые когда-то уехали отсюда, - артисты, певцы, ученые, врачи – всегда остаются патриотами. Это у нас в крови. Мы все, том числе и я, ваш покорный слуга, с чувством великой ответственности понимаем, что должны быть в дружеских отношениях со всеми странами. Без дружбы, без взаимного прощения нет будущего. Надо ценить красоту, талант друг друга. И тогда бог нам улыбнется.

Нина ШАДУРИ

კინძმარაულის მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

ჩხაიძის ჩხავერი

მუხრანის ჩინური

კახური მუსკატი

სვინის ციცქა

ცაბერის ცოლიკაური

პრემიუმ კლასის
იზვიათი ქართული
ღვინის კოლექცია

2012

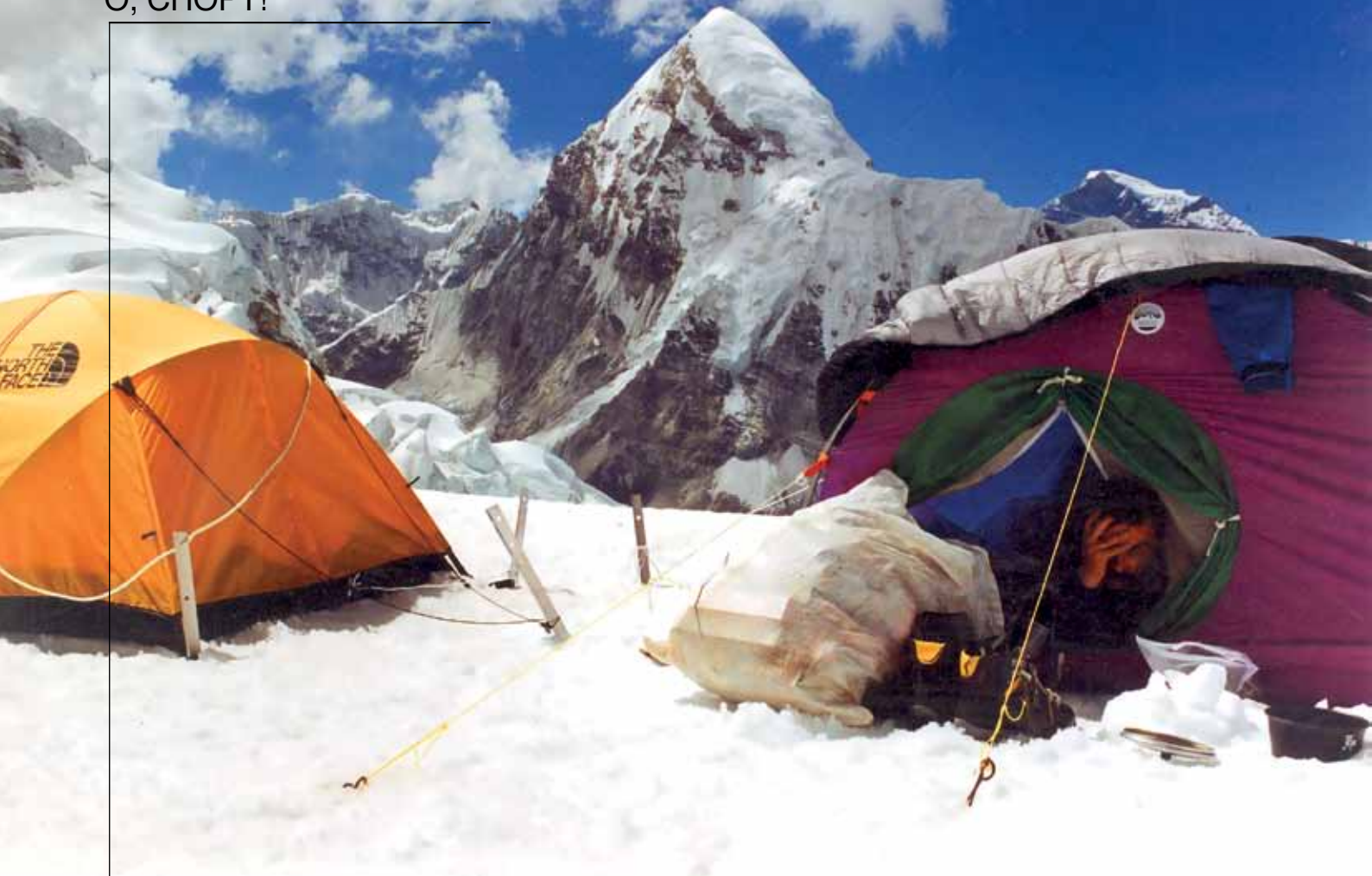
Special collection of
Premium Quality
Georgian Wine

კახური ტრადიციული მეღვინეობა

www.ktw.ge

▲ В предвершинном лагере

ПЕШКОМ НА ЭВЕРЕСТ

Мы с Бено Кашакашвили сидим в моем доме, внесенном в реестр исторических памятников Старого Тбилиси, поглядываем в окно, на Хлебную площадь, где по признанию Александра Дюма-отца, полтора года назад ему давали тумачков. Говорим о событиях, описать которые было бы не под силу прославленному романисту, автору книги «Кавказ». Мы говорим о Гималаях, откуда мой собеседник вернулся пару дней назад, и, глядя на руководителя экспедиции «Кавказ-99», ловлю себя на мысли, что не нахожу в его облике ничего от суперменов, которыми нас потчует телевидение.

В самом деле, что заставляет молодого человека, выходца из обеспеченной семьи, сына директора Руставского металлургического комбината и ученого Гурама Кашакашвили, моего старого знакомого и командира производства, как величали крупных специалистов своего дела. Идти в горы и не просто горы, а

самые что ни на есть высокие, и взойти на вершину, которую непальцы называют Джомолунгма – Богиня-мать Земли. Третий полюс мира больше известен как Эверест – в честь сэра Джорджа Эвереста, начальника индийской геодезической службы. Парадоксом воспринимается факт, что этот господин не видел горы, носящей его имя.

Остановимся на последнем названии высочайшей вершины мира.

Слушаю и рассматриваю фотографии руководителя экспедиции и восхождения, и все не могу забыть услышанную в редакции газеты наивную реплику опытного журналиста: «А побывали ли они действительно на вершине?» Как, дескать, докажут. Кашакашвили – президент руставского альпинистского клуба «Альпиндустрия», видимо, хорошо знакомый с такими сомнениями, хладнокровно приступает к доказательству. Последуем за его рассказом, благо экспедиция проводилась по его идее и в рамках программы «Мирные горы» Ассоциации альпинизма и скалолазания Грузии и могла быть выполнена специалистами высокого класса, какими они себя утвердили в альпинистском мире.

С подключением горвосходителей из Азербайджана, Армении, Северного Кавказа, но последние по финансовым соображениям участвовать в экспедиции отказались. Наши же земляки в декабре-феврале провели тренировочные сборы в Казбегском районе, совершили восемь восхождений, а потом самолетом компании «Австрийские авиалинии» (спонсора экспедиции наряду с «Тбилкредитбанком») отправились в Непал.

▲ Бено Кашакашвили, Афи Гигани, Бидзина Гуджабидзе, Лев Саркисов на вершине Эвереста. 12 мая 1999

Экспедиция вызывала интерес не только высоким профессионализмом, но и теплом дружеского общения, так ценимым в обществе этих особенных людей, которые доверяют друг другу собственную жизнь и неизменно счастливы, глядя на уходящие вдаль горы.

«Все-таки мы грузины», - говорит мне Бено и раскрывает секрет: среди тщательно выверенного и сжатого до предела груза экспедиции находилось некоторое количество грузинского коньяка. Какого именно? ОС – если интересно. Пили понемногу, по 50-100 граммов, но и их было достаточно, чтобы почувствовать себя как дома и угостить гостей.

Есть в этой экспедиции несколько обстоятельств, которыми особенно гордятся участники восхождения. Команда не скрывала, что идет на рекорд, один из самых престижных. На то время самым пожилым восходителем на Эверест был Рамон Баланко Суарес из Венесуэлы. Он это сделал в 1993 году в возрасте 60 лет и 160 дней. И команда идет на риск, на безумие, задерживается на десять-двенадцать дней в предштурмовом лагере, давая возможность тренеру Льву Саркисову «подрости», поднять на один день планку рекорда Суареса. Это в условиях, когда погода портилась на глазах, а она, как известно, главное в Гималаях.

Лев Саркисов в итоге был занесен в Книгу рекордов Гиннесса за 2000 год как самый возрастной покоритель Эвереста. Со временем это достижение, понятно, подверглось штурму. Всех превзошел Мин Бахадур Шерхан. 76-летний непалец 25 мая 2002 года стоял на «макушке» Эвереста. Рекорд на все времена!

Сейчас, когда цель достигнута, я понимаю, что не только спортивная сторона этого достижения стояла на кону. Больше двигала людьми дружба.

Воспитанник грузинской альпинистской школы Лев Саркисов и Саридан Мурсагулов шли в одной связке. Не правда ли пример для политиков? Мурсагулов – президент Федерации альпинизма Азербайджана, член Национального Олимпийского Комитета, как и Лева, остается своим в этой спаянной команде и никакой он не чужой – родился и вырос в Марнеульском районе, здесь его родные и близкие. Высшее образование получил в Баку, где и живет.

Мурсагулов на большой высоте почувствовал боли в поджелудочной железе и печени. Американская медицинская экспедиция Святого Чарльза передала его показатели по спутнику, и по настоянию американского профессора азербайджанский альпинист был снят на самых подступах к вершине. Понятно, очень переживал. Не меньше огорчилась вся команда, но надо было идти дальше, к решающему броску на южном маршруте.

Саркисова и Мурсагулова альпинистская судьба свела снова, как и положено, в горах. В городе Баязет в 2005 году – на ежегодной альпиниаде, где российских спортсменов не включают в группу, которая совершит восхождение на гору Арарат. По причине далекой от спорта.

Саридан – лидер азербайджанских альпинистов – на радостях объявляет, что Лева пойдет на Арарат, но Лев Аршакович отказывается, он не понимает, как это Саркисов есть в списке, а россиянин – жителя горо-

▲ Выше нас только небо

да Сочи Андрея Александрова, покорителя Эвереста (2000), и специального корреспондента газеты «Ноев ковчег» краснодарца Вартана Вартаняна, в списке нет.

В конце концов визовые формальности к обоюдному удовольствию улаживаются.

К штурму вершины приступили в два часа ночи, при идеальной погоде, звезды светили. Первые полчаса, вспоминали восходители, одна мысль – быстрее бы подойти к цели. Усталость начинала сказываться, а идти оставалось еще шесть-семь часов. Рассветало. Восход солнца застает их на библейской горе, на высоте 4700 метров.

1 сентября 2005 года тройка Саркисов, Александров и Вартанян – на вершине библейской горы-прародительницы.

Погода портится – сильный порывистый ветер, снег, туман. После короткого привала начинают медленный

спуск. Идти все так же трудно – сказывается высота. Неожиданная встреча – с ними поравнялась команда американцев, нагруженные аппаратурой идут наверх в поисках Ноева ковчега.

Но вернемся к нашей гималайской экспедиции.

К ночи погода ухудшилась, повалил густой, мокрый снег. Порывы ветра сотрясали палатки. Но прогноз погоды, переданный американскими и английскими метеорологами, обещал ее улучшение. И следовало спешить.

Из лагеря вышли в десять часов вечера, включив фонари с батарейками, рассчитанными на 15 часов работы. Оглянувшись, Бено насчитал до тридцати пяти световых сигналов, ползущих по горе. Через несколько часов они обошли почти всех. Впереди шли несколько шерпов и один европеец. К двум часам ночи ветер усилился, и многие группы повернули назад, заторопились в лагерь. Из восьмидесяти горвосходителей на маршруте осталось с десяток человек, включая их группу.

Гуджабидзе и Саркисов получили ожоги глаз, так называемую снежную слепоту, но продолжали рубить ступеньки, шаг за шагом приближаясь к цели. Гуджабидзе к тому же нес кинокамеру.

И вот счастливый миг. В 10 часов утра 12 мая 1999 года группа вышла на вершину. Бено Кашакашвили, Афи Гигани, Бидзина Гуджабидзе, Лев Саркисов, шерпы Чаван Рита и Навангле испытывали огромное облегчение. Забыв об усталости, обменивались рукопожатиями, хлопали друг друга по спине, задыхаясь от физических усилий. Отключили кислородные баллоны, все еще плохо контролируя свои действия, кто-то забыл снять кислородную маску.

Настал самый волнующий момент. На ледорубах подняли флажки четырех государств-участников восхождения – Грузии, Азербайджана, Армении и Непала. Они сделали свое дело. Теперь можно было

Лев Саркисов, Вартан Вартанян и Андрей Александров на вершине Арарата. 1 сентября 2005

▲ Взгляд на вершину

оглядеться вокруг, полюбоваться могучим соседом великаном Макалу, грозными хребтами Тибета. Сделали памятные и панорамные снимки. Смотрели, дивясь, на оранжевый матрас шерпы Бабу Шири, несколькими днями раньше поднявшегося на Эверест без кислородного баллона, установившего на вершине палатку и проведшего в ней всю ночь, в общей сложности 21 час. Удивительное достижение, и трудно сказать что в нем больше удивляет – неисчерпаемость ресурсов человеческого организма или смелость духа, граничащая с безумием, подвергающим жизнь смертельному риску. В условиях, когда уже на высоте 7925 метров начинается зона смерти – в воздухе содержится всего треть того количества кислорода, которое присутствует в атмосфере на уровне моря.

Саркисов с самой высокой трибуны обращается к армянам всего мира с пожеланиями счастья и благополучия.

Пробыв один час на вершине, группа приступила к спуску.

Внизу их ждали поздравления, сертификаты восходителей на Эверест, выданные министерством туризма и гражданской авиации Непала. На брифинге в министерстве им выразили сердечную благодарность за предоставленную возможность побывать на вершине шерпам Чаван Рите и Навангле, для которых это было первое восхождение.

Особо отмечали стабильность успехов экспедиции. По условиям команда должна включить в заявочный лист не меньше семи участников. Этим седьмым стал для них японский альпинист Кен Ногучи, предпринявший свою четвертую попытку на Эвересте. До высоты 8000 метров шел с ними, а потом, в условиях испортившейся погоды, на пределе сил спустился в лагерь. 13 мая он все же взойшел на вершину. Как собственную удачу команда вправе рассматривать и выдающееся достижение Эльзы Авилы Карсолио, супруги знаменитого мексиканского альпиниста Карлоса Карсолио, повторившего удивительный рекорд итальянца Райнхольда Месснера, покорителя 14-ти высочайших вершин всех континентов.

Эльза взойшла на вершину и стала первой женщиной Латинской Америки, покорительницей Эвереста. Но и без Карсолио достижение команды впечатляет. Семь участников восхождения – явление крайне редкое.

Уезжали они из Катманду полные незабываемых впечатлений. Среди волнующих встреч особо запомнилась в российском посольстве. Посол Владимир Иванов устроил прием в их честь и поздравил с успешным восхождением.

Сейчас оно принадлежит истории.

Арсен ЕРЕМЯН

Фото **Бено КАШАКАШВИЛИ**, из архива автора

▲ Тифлис. Вид на караван-сарай Тамамшева с театром

«Завлекают в Сололаки стертые пороги...»

Литературные страницы старого района

Мы уже так долго листаем сололакские страницы, где удивительным образом сочетаются стихи и проза, встречи и дружбы, имена прославленные и почти забытые... И кое-кто даже может упрекнуть нас в особом пристрастии к этому району. Но в таком случае тот же упрек можно адресовать и человеку, более полтора столетия назад писавшему здесь свои замечательные статьи и очерки о Грузии – графу Владимиру Соллогубу. Ведь объединил он их под говорящим названием «Салалакские досуги». Правда, в старой транскрипции: Сололаки тогда называли и Салалак, и Салулак. Так что, нет сомнений, где именно Владимир Александрович брался на досуге за перо и бумагу. И писал не конкретно о самом районе, а, как и мы, обо всем, что поразило и запомнилось – о встречах, о людях, о нравах, о литературе, о театре... По словам Николая Добролюбова, в «Салалакских досугах» Соллогуб «решился из светлой

сферы поэзии спуститься в область смиренной прозы и сделался статистиком, этнографом, историком, биографом, туристом, даже критиком и историком литературы...» Ну, а что еще надо тем, кому интересно, чем жил Тифлис в том далеком времени!

Открыв газету «Кавказ» за февраль 1851 года, читаем: «В наш город прибыл известный русский литератор граф Соллогуб, высочайшим повелением назначенный состоять по особым поручениям при его сиятельстве князе наместнике». Тогда тбилисскую публику это привело в восторг, сегодня большинству ее представителей имя графа Соллогуба мало что говорит. А ведь Белинский после гибели Лермонтова ставил его на второе место среди тогдашних писателей – вслед за самим Гоголем. Его знаменитой повестью «Тарантас. Путевые впечатления» зачитывалась вся Россия. И в историю литературы он вошел как предтеча рус-

▲ Владимир Соллогуб

ского классического реалистического романа. А еще он был близко знаком с Карамзиным, Гоголем, Лермонтовым, Одоевским, Тургеневым, Островским, Гончаровым, Достоевским, Григоровичем, Некрасовым, Панаевым. Ну, а Пушкин... вызвал его на дуэль, приревновав к своей Натали. Причем абсолютно безосновательно. К счастью, они объяснились, помирились, но Соллогуб вошел в историю еще и благодаря этому инциденту

Как же знаменитый литератор, женатый на фрейлине императрицы Софье Виельгорской, навсегда всех великосветских салонов Петербурга, оказался в Тифлисе? Его собственное объяснение таково: «В начале 1850 года я довольно серьезно заболел, и доктора советовали мне ехать за границу пить богемские воды; но меня привлекало другое – меня уже давно тянуло на Кавказ. Мне хотелось взглянуть на этот, по рассказам и описаниям, чудный край... Личность наместника кавказского, князя Михаила Семеновича Воронцова, много способствовала этому желанию...» Вот и получилось, что граф приезжает в Тифлис не только для лечения – наместник приглашает его в качестве чиновника по особым поручениям. Но какие особые поручения мог исполнять известный литератор?

С 1847 года на Эриванской площади города строится караван-сарай с театром на 700 мест. Это первое крупное театральное здание Закавказья. Создают его итальянский архитектор Джованни Скудиери и русский художник Григорий Гагарин, с которым у Соллогуба уже есть отличный опыт совместной работы. А деньги на строительство и оформление театра вызвался выделить известный меценат, почетный гражданин Тифлиса и Ставрополя Гавриил Тамамшев. И пусть современного читателя не коробит, что театр – в здании караван-сарая. Это аналог того, что теперь называется «торго-

во-развлекательным центром». В контракте прямо указано: «все торговые лавки, расположенные в здании, должны быть заняты красным товаром, галантерейными, модными, кондитерскими и вообще лавками, не безобразящими наружному взгляду». Директором этого театра и назначается Соллогуб. Вот такое особое поручение.

И уже только в одном описании вверенного ему театра проявляется литературный талант графа-директора. Во-первых, он четко оценивает значение новостройки: «Промышленность и искусство зажили рука-об-руку, - и даже промышленностью поддерживается искусство, потому театр выстроен на счет лавок. Правильная торговля и эстетическое наслаждение сливаются в этом храме возникающей образованности, - две важные стихии для усовершенствования здешнего быта, указаны целому населению». А уж описание убранства театра – это восторженная поэма в прозе. Ее полное воспроизведение займет не одну страницу. Поэтому удовлетворимся лишь парой цитат: «Сооруженный в Тифлисе, на Эриванской площади театр не найдет себе нигде равного... Мертвым пером нельзя выразить всей щеголеватости, всей прелести, всей ювелирной отделки нового зала. Он похож на огромный браслет из разных эмалей, сделанный... по восточным рисункам. Равным образом он напоминает те предметы древней русской утвари с разноцветной финифтью, которыми мы восхищаемся в богатом хранилище Московской Оружейной Палаты...» И еще выслушаем пророчес-

▲ В день открытия театра

ские слова о том, что действительно реализовалось с годами: «Нельзя не пожелать от души, чтобы здешняя драматургия, поняв свое призвание, заняла достойное место в общем стремлении к пользе и чтобы мысль, подарившая Закавказье театром, нашла отголосок в грузинских и русских писателях и пополнилась, осуществилась их произведениями».

Конечно, можно понять такое восхищение театром, который получил под свое начало... Но у графа – много и других интереснейших строк о Тифлисе. Часть их и сегодня может повторить любой человек, изумленный первым приездом в Грузию. «Нигде так упорно и так усердно не закусывают, как здесь»... «Летняя жаркая погода в Тифлисе перестает быть погодой, а становится иногда настоящей язвой... Словом, если какой-нибудь город нуждается в дачах, то это, конечно Тифлис»... «Идет гомерическая попойка под председательством

▲ Интерьер театра

красноногого тулумбаша и безостановочно передаются из-рук-в-руки кулы, азарпеша и турьи рога с многоизвестным и еще более употребляемым кахетинским вином... А этот отрывок о том, как итальянская опера завоевала Тифлис, просто необходимо прочесть, ведь чувством юмора не обделены ни автор, ни мы с вами:

«Тифлис решительно становится музыкальным городом, еще немного и он даже будет итальянским городом. Куда не повернешься, все слышатся итальянские напевы. Рассказывают, что на майдане все мушкетеры и дело, что поют – un pescator ignobile, а затем ложатся спать на улице, в ожидании золотых кафтанов и замаскированных Лукреций. Если кто на базаре покупает бурдюк кахетинского, так уж не иначе, как на голос – un segreto per esser felice... Верблюжьи караваны становятся каждую ночь в кружок и, при виде восходящего месяца, проводники их затягивают хором: *Casta diva*. Зурна, бедная зурна, спряталась и замолкла. Два сазандаря, видя, что последний их час настал, застрелились, но, умирая, еще через силы нашептывали: *Ah, pershe, non posso odiar ti...* На улице все приветствия, все разговоры изменились. Теперь не спрашивают – здоровы ли вы? спрашивают – есть ли у вас место в Опере. Не говорят, что такой-то господин ожидает следующего чина, а – что такой-то певец немножко охрип, а у такой-то певицы болят ноги... Все бегут в театр. Все алчут оперы».

А вот уже вполне серьезно: «Русская труппа в Тифлисе невелика, но можно и должно сказать, что она из лучших, если не лучшая из всех второстепенных русских групп. В ней господствует какой-то особый тон приличия и благородства... На тифлисской сцене вы не увидите гаерских угождений райку, ухарских ухваток, свирепых нарядов, ничего, что бы резко бросалось в глаза или могло бы оскорбить вкус самого взыскательного слушателя»

Все это увидено и прочувствовано «изнутри» - Соллогуб ощущает себя своим человеком в закавказской столице. И что бы он не писал в ней, вполне естественно появляются слова «у нас», «наш край», «наш быт»... Посторонний человек не напишет: «Кто не знает нашего живописного города, нависшего над Курюю, посреди котловины, окаймленной горами, тот не может себе представить волшебной картины этого освещения...» Или это: «Тифлис изменяется с каждым днем: между саклей, отважно торчащих гнездами, над обрывистым берегом Куры мгновенно вырастают красивые здания, сооружаются церкви, перекидываются через бурли-

вую реку каменные мосты, выравниваются площади, возникают целые улицы, целые кварталы; каждый день приносит новый успех, новую мысль, новое развитие, новую радость». Ну, чем не описание нынешних дней? Правда, с одной оговоркой – те здания тифлиссцы встречали с восторгом, а по поводу нынешних новостроек не стихают бурные споры...

Город «над обрывистым берегом Куры» может гордиться не только тем, что знаменитый писатель по праву зачисляет себя в «летописцы тифлисской жизни и городской и загородной». Именно здесь у Соллогуба появляется возможность сочетать литературную, исследовательскую и общественную деятельность. Он печатает статьи и рецензии в газете «Кавказ», пишет пьесы, детальную биографию генерала Петра Котляревского, начинает «Историю войны в Азиатской Турции», издает сборник «Тридцать четыре альбомных стихотворения». А еще вместе с писателем Евгением Вердеревским готовит к печати альманах «Зурна», при-

званный поведать российскому читателю о богатстве и разнообразии культур Закавказья, в нем авторы нескольких национальностей. Сам Соллогуб, помимо стихов, публикует комедию «Ночь перед свадьбой, или Грузия через тысячу лет». Именно Тифлис он избирает для своей утопии, и нам стоит заглянуть в это будущее.

Итак, напившийся на свадьбе жених-тифлисец, просыпается в городе 2853 года. А мы, не дожидаясь этой даты, сравним предсказания Соллогуба с сегодняшним Тбилиси: «Со всех сторон... огромные дворцы, колоннады, статуи, памятники, соборы... железная дорога». Царит всеобщее просвещение, женщины имеют настолько равные права с мужчинами, что служат в полиции. Правда, потому, что это стало самой легкой работой (!). Сословие купцов сохранилось, но заботится только о пользе покупателей, а не о собственном кармане. Техника дошла до того, что механические камердинеры чешут пятки своим хозяевам. Более того, когда один из персонажей – Карапет, отец Кетеваны – глазами с крыши своего дома на улицу, вдруг хочет поспать, он вставляет ключ в отверстие в трубе, и из окна выезжает кровать, которую подталкивает машина на колесах и пружинах. Ей отдаются приказы: «Машина, положи меня; машина, накрой меня; машина, погаси свечу и отвези в комнату». Все это исполняется, и Карапет уезжает со словами: «Ну, а теперь я сам засну». Извозчики перевозят пассажиров на воздушных шарах, и один упрекает другого в том, что тот «намедни ездока в Средиземное море вывалил». О театральном мире: «Согласие между артистами, отсутствие мелочного самодушия для пользы искусства – вот что отличает ваше полезное сословие». Париж уже неинтересен и банален, ведь центр цивилизации и культуры – Закавказье... Не правда ли, дорогие читатели, есть, о чем сегодня задуматься, чему позавидовать, с чем сравнить?

Но литературного творчества Соллогубу мало – он становится одним из учредителей и членом Совета директоров Кавказского Отдела Императорского Русского Географического Общества. Туда входят виднейшие исследователи Кавказа, в разное время членами этого отдела были Илья Чавчавадзе и поэт, драматург, этнограф Рафаил Эристави (Эристов). Первое собрание Совета состоялось за месяц до приезда Соллогуба в Грузию, а уже на втором заседании он поднимает вопрос о создании «Общего Кавказского Музеума». Этнографическую программу музея составляет он сам, а зоологическую и ботаническую – профессор Андрей Бекетов, дед поэта Александра Блока. Первые экспо-

наты музеем передают Соллогуб и Воронцов.

При всем этом, как всякий талантливый и независимый в суждениях человек, да к тому же, покровительствуемый высоким начальством, Соллогуб обретает недругов в «свете». И когда ушедшего в отставку Воронцова сменяет генерал Николай Муравьев, «доброжелатели» представляют ему графа как «салонного баловня» и «колкого балагура». Да и у бравого воина – свои представления о функциях подчиненных. Поэтому его разговор с чиновником по особым поручениям по-солдатски лаконичен: «Вы автор «Тарантаса?» и после получения ответа: «Ну, так можете сесть в ваш тарантас и уехать». Это не метафора, а прямое руководство к действию. И граф покидает Тифлис в марте 1855-го, месяца не дотянув до четырех лет пребывания в нем.

Но разлука с Грузией – недолгая. Соллогуб служит в Министерстве внутренних дел, особыми обязанностями не обременен, а тут с ним связывается князь Александр Бярятинский. Он назначен вместо Муравьева, по состоянию здоровья покомандовавшего Кавказом меньше двух лет. Будущий наместник спрашивает, не желает ли Соллогуб снова вернуться в край, оставивший «неизгладимые впечатления и воспоминания». И рисует заманчивую картину, полностью соответствующую соллогубовским «вкусам и умениям: устройство театров в значительных городах, учреждение школ музыки, пения, рисования в Тифлисе». Польщенный граф сравнивает такую перспективу с «маленьким министерством изящных искусств», в котором он исполнит «лестную роль хозяина и господина».

И это – при том, что Соллогуб отлично знает не только положительные стороны характера Бярятинского, но и его избалованность, тщеславие, желание стать генералиссимусом подобно Суворову. «При таком нраве и при таких стремлениях, понятно, что... Бярятинский пожелал придать своему путешествию и вступлению в вверенный его управлению край всевозможную торжественность», - признает он. Но, как свидетельствуют современники, именно Соллогуб «был одним из первых, кого завербовал князь в свою

пышную свиту, с которой он открыл свое торжественное шествие на Кавказ» летом 1856-го.

Острый на язык писатель сам признается, что въезд в Тифлис с «особенною торжественностью» имел «свою несколько смешную сторону». Но «обрадованный встречей с дорогими друзьями», он был так счастлив, что «не обеспокоивался о... настоящей задаче, т.е. о службе». И тут выясняется, что наместник напрочь позабыл об обещанном «маленьком министерстве изящных искусств»: «Вместо деятельного труда, условленного между мною и Бярятинским, оказалось, что мои занятия состояли в устройстве праздников в честь главнокомандующего, импровизации стихов и водевилей. С этим, разумеется, я согласиться не мог». Правда, у высокопоставленного чиновника Корнилия Бороздина – свое мнение, он считает, что Соллогуб мечтал получить «какую-нибудь отдельную часть по управлению в самом Тифлисе или по крайней мере должность губернатора в одной из кавказских провинций... а между тем Бярятинскому это и в голову не приходило». Может, и так – отсутствием честолюбия Владимир Александрович не страдал, а тут его делают, говоря по-современному, массовиком-затейником, пусть и высокого ранга. Графа не радует даже любимый Тифлис, он «начал не на шутку томиться таким по-

▲ Тифлис 1850-х годов

▼ Жена и дочь Соллогуба

ложем, насупился и стал хандрить»...

И еще один фактор. Признавая, что Бярятинский стоит намного выше него на служебной лестнице, Соллогуб все-таки не хочет видеть в нем упоенного властью начальника: «По светским условиям, детским воспоминаниям и товарищеским отношениям мы были равны, и разыгрывать роль обер-гофмаршала его двора вовсе не входило в мои планы». В общем, решительное объяснение с наместником неизбежно. Разговор получается резкий, Бярятинский заявляет, что Соллогуб вечно торопится, и что его прескверный характер не позволяет ему ужиться ни с кем. В общем, опять холодное прощание с главой края, опять спешный отъезд в Петербург. Вот так и получилось, что в это пребывание в Грузии Соллогубу не удалось отметить ни литературном поприще.

В третий раз он приезжает в Тифлис в 1871-м, и снова по приглашению наместника Кавказа, на этот раз великого князя Михаила Романова. Писатель считает себя уже стариком, хотя ему всего 58 лет. Да и город уже не тот, что жил в его воспоминаниях: «Тифлис начала пятидесятых годов вовсе не походил на Тифлис теперешний; все в нем дышало Востоком, восточной негой, восточной ленью, широким восточным гостепри-

▲ Тифлис. Кавказский музей

имством... Такая чудная природа окружала его, такое лучезарное солнце освещало его самые сокровенные и некрасивые уголки, что в нем весело жилось и дышалось легко... Того простодушия, того яркого восточного колорита, что было при Воронцове, я уже не нашел. В крае – я позволю себе так выразиться – уже завоняло Петербургом». И это впечатление, не может не воплотиться на бумаге:

*Не смею выразить я вслух,
Но мир войны не заменяет;
Здесь прежде был свободы дух,
Теперь... чиновником воняет...*

Однако последний приезд графа знаменателен, конечно же, не только этими строчками. В Грузию прибывает Александр II с сыновьями. И жена кутаисского военного губернатора просит Соллогуба устроить «торжественный праздник в честь царственного гостя». Припомнив, как за два года до этого, на открытии Суэцкого канала, чествовали императрицу Франции Евгению и императора Австро-Венгрии Франца Иосифа I, Соллогуб решает потряхнуть стариной. Правда, «празднику с местным колоритом» мешает дождь, но бал и живые картины удаются на славу. Естественно, от известного писателя все ждут и стихотворного произведения. И оно зачитывается императору «в присутствии двух-трех приближенных». Так впервые звучит знаменитое «Алаверды»:

*С времен, давным-давно отжитых,
Преданьям Иверской земли,
От наших предков знаменитых,
Одно мы слово сберегли;
В нем нашей удали начало,
Преданье счастья и беды,
Оно всегда у нас звучало:
Алаверды! Алаверды!*

Теперь у этой песни много вариантов, но мало, кто помнит ее создателя...

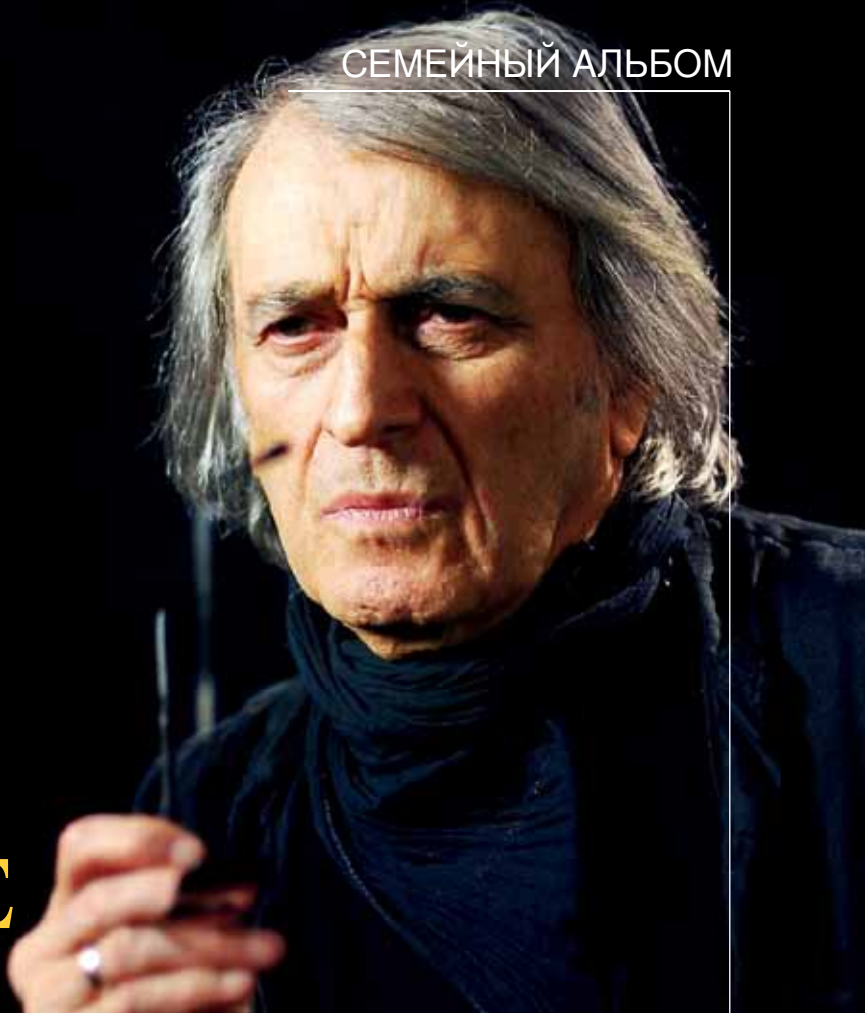
Восторженно встречают эти стихи и в Тифлисе, автор признается: «Они доставили мне едва ли не величайшую овацию, какой я был героем». За несколько дней до отъезда Соллогуба, «прежние сослуживцы-воронцовцы» устраивают ему прощальный ужин: «Самым радушным образом и с такою задушевностью, точно мои старые друзья чувствовали, что мы все там собрались вместе в последний раз». Самый красивый тост, превознося заслуги Соллогуба на Кавказе, поднимает выдающийся грузинский поэт-романтик, князь Вахтанг Орбелиани. В ответ ему гость заявляет, что «работали для края» именно собравшиеся, а он лишь «скакал на пристяжке». И это после всего, что мы видели на очередной сололакской странице! К тому же, можно сказать, что в Тбилиси есть памятник Соллогубу. Нигде в мире нет, а здесь есть. Речь идет о Музее Грузии имени С.Джанашиа, ведь в прошлом это тот самый Кавказский музей который создавал граф. А еще имя Соллогуба в Тбилиси связано с картиной «Дама с девочкой» – работой известного портретиста Ивана Макарова, хранящейся в одном из частных собраний. Это – единственный портрет жены и маленькой дочки Владимира Александровича, скончавшейся в детстве. Он хранился в семье другой дочери – Натальи, вышедшей в Петербурге замуж за князя Георгия Чичуа и вместе с ним переехавшей в Тифлис в 1904 году. Долгое время портрет висел в доме их дочери Майи Чичуа. Ведь внучка Соллогуба жила в любимом им Тбилиси...

Ну, а мы, бережно возвращая на полку «Салалакские досуги», кстати, ни разу не издававшиеся после 1855 года, повторим вслед за Владимиром Александровичем: «Да сохранит Бог и Грузию, и нас всех, от половинных чувств и половинных убеждений и познаний».

Владимир ГОЛОВИН

НЕСНЯТЫЙ ФИЛЬМ ВАХТАНГА МИКЕЛАДЗЕ

▲ Вахтанг Микеладзе

27 июня исполняется 110 лет со дня рождения выдающегося музыканта, дирижера Евгения Микеладзе, расстрелянного в 1937 году. Его жизнь и блестящая музыкальная карьера оборвались в 34 года, но он успел оставить в искусстве глубокий след. Сейчас, в юбилейные дни, мы решили рассказать о том, что печальная судьба великого сына Грузии имеет свое светлое продолжение и развитие. Дух, нравственная и творческая составляющие генетического кода маэстро ярко проявились в биографии и деяниях его сына – известного кинодокументалиста Вахтанга Евгеньевича Микеладзе, который живет и работает в Москве.

В жизни каждого романтика есть свой Монмартр. Таким возвышающим душу местом для нас, тбилисцев, был и есть проспект Руставели. Красивая, вся в зелени, улица имени поэта, много веков назад знавшего ответы на вопросы, которые для большей части человечества по сей день остаются неразрешимыми. «Все, что спрятал, то пропало. Все, что отдал, то – твое...» Этот и многие другие, имеющие непреходящую ценность афоризмы гения эпохи великой царицы Тамар часто звучали в одном из уютных домов на проспекте Руставели, в плавных речах наших трогательных в своей утонченной интеллигентности бабушек, чудом уцелевших в кровавой «фиесте» конца тридцатых годов мятежного XX века. У них у всех, таких хрупких, беззащитных и отчаянно смелых, были потрясающе красивые тонкие пальцы, белоснежные кружевные жабо, заколотые фамильными геммами, и гордые, звучные имена: Ниночка Ахметели, Тамуна Асатиани, Мия Цицишвили, Олимпия Дадиани... Вечерами они собирались за большим, покрытым белоснежной скатертью обеденным столом, на котором алели изящные вазочки с кизилковым и вишневым вареньем. Благоухали

фиалки, вкусно пахли свежее испеченные «Наполеон» и «Жозефина». Занимаясь в соседней комнате своими детскими делами, мы слышали тихую музыку их приглушенных голосов. По стенам беспокойно металась бронзовые подсвечники навечно, казалось, умолкшего старинного пианино. Чаще других и с безнадежной горечью произносились имена тех, кого им так не хватало – Кетуси Орахелашвили и Евгения Микеладзе.

«Евгений Микеладзе... В толстенном альбоме среди множества очень благородных симпатичных лиц одно поражало своей непохожестью ни на кого другого. Оно увлекало в загадочный мир необъяснимой схожести с портретом Джорджа Гордона Байрона, что красовалось на обложке с детства мной любимого фолианта со странным тревожным названием «Корсар» - партитуры балета, по которой великий музыкант Евгений Микеладзе дирижировал оркестром блистательного Тбилисского театра оперы и балета...»

Так начинается мой новый, подготовленный к изданию детективный роман «Неснятый фильм Александра Березкина». Прототипом главного его героя стал Вах-

танг Микеладзе – сын подло и зверски уничтоженного в 37-ом году выдающегося музыканта Евгения Микеладзе, которого Дмитрий Шостакович назвал «гордостью советской дирижерской школы».

Вахтанг Евгеньевич – один из лидеров российского документального кино и создателей жанра телевизионного документального детектива, лауреат Государственной премии, заслуженный деятель искусств России и Грузии, народный артист Ингушетии, признанный мэтр в мировом сообществе кинодокументалистов.

▲ Евгений Микеладзе и Кетуся Орахелашвили. 1937

Для нас, наших сверстников и тех, кто чуть помладше, легендой Вахтанг стал еще в те далекие годы, когда имя его отца вместе с именами Тициана Табидзе, Паоло Яшвили, Сандро Ахметели и других уничтоженных властью Сталина и Берия прекрасных грузинских творцов, аристократов духа, то и дело отзывались эхом в опасливых нотках притушенных, едва слышных голосов старших, беседующих за вечерним чайным столом. Но тогда исключительной казалась выпавшая на его долю, наполненная трагическими событиями судьба.

После гибели отца маленького Вахтанга вместе с мамой Кетусей Орахелашвили и пятилетней сестрой Тинико отправили в ссылку. И он отбыл отведенный судьбой срок изгнания. Сурово наказан Вахтанг был за кровную принадлежность к роду Микеладзе и Орахелашвили, представители которого не боялись высказывать свое презрительное отношение к бесовскому сатрапу Грузии, беспощадному и духовно уродливо-му Лаврентию Берия, который всю жизнь им мстил,

уничтожив восемь человек из этого разветвленного благородного фамильного сообщества. За то, что был сыном расстрелянного гениального музыканта, о котором знаменитые коллеги говорили: «Его оркестр звучит из поднебесья». За генетически доставшееся Вахтангу мощное дарование художника. Определивший его творческую судьбу учитель по ВГИКУ и наставник по жизни, прославленный мастер документального кино Роман Кармен сказал: «У Вахтанга талант музыканта. Это от отца. Прекрасное чувство ритма и образное, искрометное мышление». За чистоту души и безудержную тягу к справедливости, к правде. Иных обвинений и приговоров за ним не числилось.

В 1956 году, после пересмотра «состава преступлений врагов народа», Вахтанг, уже совершеннолетним юношей, вернулся в Тбилиси. К великой радости тех самых бабушек, он был удивительно похож на своего отца не только внешне, но и изысканным аристократизмом манер, широтой образования и воззрений. Последнее почему-то вызывало несказанное удивление у многих окружающих.

«Что непонятого в том, что я не «крестиком» расписываюсь? - недоумевал в свою очередь Вахтанг. - В лагере меня математике учил академик из Москвы, литературе – профессор из Санкт-Петербурга. Да и библиотека там была роскошная. Уцелевшая со времен ссыльных декабристов».

Шлейф горькой аббревиатуры ДВН, что в расшифровке означало «дитя врага народа», тянулся за молодым талантливым, пользующимся непререкаемым авторитетом среди сверстников студентом ВГИКа долго-долго. Истаял ли он сегодня в лучах славы, которую снискали ему около тысячи снятых им прекрасных и значительных лент, среди которых есть вошедшие в историю документального кино. С сожалением должна признать, что порой какие-то отголоски затихшей злокозненности судьбы пробиваются в хор славословия, сопровождающий по жизни Вахтанга Микеладзе. Скажем, лежит «на полке» его потрясающий фильм «Реквием», ждет своего часа и поразительная по воздействию, лучшая, на мой взгляд, картина Вахтанга Евгеньевича «Я был приговорен к пожизненному заключению» (приз «За лучшую режиссуру» на Международном фестивале документальных фильмов, Украина). Эта эпическая по размаху исповедь достигшего творческого совершенства мастера и мудрого, познавшего скрытые смыслы жизни человека не выпускается на телевидение по надуманным обоснованиям: «Слишком эмоциональная работа, может взбудоражить общественное мнение».

Когда-то на заре творческой карьеры Вахтанга Микеладзе в избранном им жанре документального кино я задала ему вопрос: почему режиссеру его масштаба, который обладает впечатляющим образным видением, словно врожденным чувством ритма и темпа художественного монтажа, склонностью к глубокому анализу не только изучаемых проблем, но и психологии людей разных мировоззрений и полярных моральных устоев, от высоконравственных героических личностей до закоренелых преступников – так вот, почему бы ему не обратиться к созданию художественных фильмов?

Вахтанг долго молчал. Слушал мои фантазии на тему грядущих «Оскаров», «Золотых львов», «Пальмовых ветвей» и других престижных наград. И, наконец, отступив от своего привычного тона энергичного лидера, который может убедить любого собеседника в правоте своей позиции не только режиссера, но и логиче-

▲ Надежда Аллилуева, Кетуса Орахелашвили, Мариам Орахелашвили, Мамия Орахелашвили и АVEL Енукидзе

ски беспронимчивого оратора, очень серьезно произнес: «Я, конечно, могу делать и делал не раз игровое кино. Игровое, - понимаешь? - то есть придуманное, искусственное. Не до того. Не до фантазий. Язык документального кино – идеальный способ честного разговора о том, что вокруг сложилось и происходит, как изменить нас и нашу жизнь в лучшую сторону».

Никогда больше я не соблазняла старого друга заманчивыми образами прогулки победителем по красным ковровым дорожкам Каннского международного кинофестиваля или ослепительного ритуала вручения заокеанского «Оскара». А его фанатичная преданность своему пути в искусстве только укрепила, удвоила мое с детских лет живущее в душе трепетное уважение к истории семьи Микеладзе, к светлой памяти его родителей и к нему самому, Вахтангу Евгеньевичу, неутомимому, не подвластному ни времени, ни тяжкой бременю множества забот, нескончаемых проблем – своих, но преимущественно чужих. Всегда энергичному, устремленному вперед, азартно захваченному новизной то одной, то другой им же порожденной идеи. Уникальному, разностороннему, по-грузински артистичному, щедрому и... немислимо трудному в общении. Сложнее всего пробиться в беседе с ним к теме истории его отца. Он не раз резко бросал журналистам: «Оставьте в покое мою семью», но самые лихие из них снова и снова вытаскивали на свет самые кровавые эпизоды трагической гибели Евгения Микеладзе.

Их ничему не научил бесценный творческий и нравственный опыт выдающегося кинорежиссера Тенгиза Абуладзе, с неповторимой деликатностью и горечью, в системе исповедально-правдивых образных иносказа-

ний и преображений рассказавшем о той же печальной истории семьи Микеладзе в своем гениальном фильме «Покаяние». Его «дорога к храму» стала нарицательным понятием, эталоном смысла жизни по чести, тогда как смакование некоторыми журналистами жутких картин пыток отца Вахтанга осталось на страницах газет и журналов всего лишь свидетельством беспардонного вмешательства в личную жизнь пострадавших.

Почти все фильмы Вахтанга Микеладзе заканчиваются постскриптумом, как классическая басня – «моралью». Скупые кадры с алым зрачком «P.S.» и лаконичные жесткие слова закадрового текста несут в себе смысловую нагрузку подытоженного анализа причин и следствий, вытекающих из суммы фактов, о которых шла речь в конкретном фильме. Ставший фирменным знаком, «P.S.» отражает одну весьма характерную черту натуры мастера: он в своих фильмах, в беседах или публичных выступлениях всегда, как педагог-наставник с укорененными в душе и разуме неизблемыми жизненными принципами, естественным образом подводит итог обобщением нравственного характера, расставляет точные ценностные акценты на каждом умозаключении. Фильмы-исповеди Вахтанга мне кажутся его попыткой каждый раз хотя бы в своем воображении реализовать несостоявшийся по жизни и такой необходимый для него разговор с отцом о главных жизненных ценностях – чести и достоинстве, благородстве и силе духа, любви к Богу и ближнему, наконец, о соотношении этих ценностей с выражением своих мыслей и чувств в искусстве.

В 1995 году на Первом канале Центрального телевидения России появилась новая программа – «Чело-

век и закон», а позже, в рамках этой программы – рубрика «Документальный детектив», более десяти лет выходящая в эфир в прайм-тайм. Создателями этой программы и ее главной рубрики, с первых же выпусков снискавших острый интерес и уважение зрителей, резко поднявших рейтинг канала, были мэтр документального кино режиссер Вахтанг Микеладзе и известный тележурналист Юрий Краузе. Диапазон исследований «Документального детектива» чрезвычайно широк – шумные политические скандалы, преступная деятельность организованных банд, повествование о кропотливой работе следственных органов. И всегда – подведение итогов рассматриваемой проблемы в контексте конкретной ситуации в стране. Даже самая «приземленная» информация о каждодневно происходивших в 90-х годах бытовых правонарушениях становилась для Вахтанга отправной точкой для глубоких размышлений и стремления к глобальному решению проблем, устранению причин, толкающих людей на эти преступления. Незамысловатой по сути истории группы людей, ставших на преступный путь, всегда предшествует калейдоскоп напряженно смонтированных документальных кадров нашей реальности. И этот сгусток шокирующей правды, схожий с образом безумия, заставляет зрителя прямо посмотреть ей в глаза и ужаснуться. «Остановитесь, одумайтесь! - кричат эти кадры. - Не превращайтесь в серого хищника, рвущего окровавленными клыками слабого, чтобы выжить самому в стае волков».

Авторский фильм В.Микеладзе «Серые цветы», показанный в одном из первых выпусков программы, произвел эффект взорвавшейся бомбы. Об этом фильме сказано и написано много восторженных слов. Мне довелось быть непосредственным свидетелем и в скромной мере участником создания этой драматической эпопеи, которая стала своеобразным прологом в новом тематическом цикле пламенной публицистики Вахтанга Микеладзе, обнажающим острейшие проблемы подростковой преступности.

Первая «страничка» фильма – белый-пребелый экран, символ безбрежной пустыни одиночества. На нем всполохами пламени начертаны строки двух авторских посвящений. В правом верхнем угле слова: «Отцу моему Евгению Микеладзе», в левом нижнем: «Сыну моему Евгению Микеладзе». Это сопоставление посвящений в прологе фильма словно наводит мост между поколениями отцов и их потомков, символизирует их неразрывную связь. Но к концу фильма становится ясно, что примененный прием предопределяет тревогу режиссера, который понимает, что эта связь насильственно разорвана и процесс уничтожения корней чреват новыми неисчислимыми бедами и потерями.

...Начало 90-х годов прошлого века. Всеобщая грандиозная эйфория от недавно обретенной свободы на российской земле. Почти на всем постсоветском пространстве. Праздник воли личности, свободы слова, убеждений и... вседозволенности. «Дай-то нам Бог свободу пережить!» - все чаще вспоминались слова писателя-пророка Ф.М. Достоевского. Фильм «Серые цветы» обнажает правду о том, что принесла с собой эта своеобразная свобода. И еще о том, куда протягиваются корни сегодняшних, часто горестных событий.

Огромные стадионы, переполненные мальчишками и девчонками эпохи перестройки. Тысячи подростков, неистово вопящих вслед за своим кумиром, прелестным поющим «маленьким принцем». Экран полыхает

буйством красок, тысяч цветов, плакатов, модных молодежных «прикидов». И вдруг резкий перескок в удручающую и тревожную серость черно-белого кино с тем же самым хорошеньким юнцом на сцене. Но... на убогой сцене дощатого настила, в серой дымке накуренного зала. Все те же затуманенные восторженные глаза юных зрительниц, но уже не в модных мини-юбках, а в грубых тулупах. Два концерта. На воле. И на зоне – в женской подростковой колонии. Где живут, проживают свое детство и отрочество девчонки от десяти до пятнадцати лет. И среди них – рецидивистки. С приговорами-диагнозами (как иначе это назвать?) – «убийство», «грабеж», «нанесение тяжких повреждений»...

Нет, не ради потакания странным вкусам публики, пристрастившейся к кровавым триллерам, снимает ЭТО кино мой беспокойный друг. Ему нужно дойти до оснований, до сути и причин страшных фактов нашей реальности. Нужно распать на позорном столбе тех, чьи деяния привели к столь уродливым последствиям еще одной революции в истории несчастливой страны. И неустанно призывать каждого из нас, ныне живущих – ведать, что творим. Чтобы не было больно и стыдно за будущность наших детей.

Диапазон тематики документального кино Вахтанга Микеладзе намного шире одной означенной проблемы. Но я обратилась к «Серым цветам», как яркому примеру особого, эксклюзивного стиля режиссера. Тоги стили, который позволяет определить его творчество совершенно немыслимым, несуществующим парадоксальным термином – художественное документальное кино. В беседах Вахтанга на профессиональные темы часто звучат его слова о языке документального кино. И это вполне закономерно. Ибо своеобычность, образность языка, на котором общается со своими зрителями Вахтанг Микеладзе, не имеет аналогов в жанре документалистики. И создатель этого языка верен ему во всех ситуациях. Художественной символикой насыщены не только те работы режиссера, в основу которых ложатся результаты длительной и тщательной подготовки к раскрытию и анализу глобальных социальных тем. Без нее не обходится самая неожиданная ситуационная репортажная съемка, которая преобразована затем режиссером в полноценный впечатляющий фильм.

Уникальна в этом плане еще одна знаковая картина – «Колокол Армении». Буквально через три часа после первого сообщения в эфире экстренных новостей о трагической катастрофе – грандиозном землетрясении в городах Армении, съемочная группа Вахтанга Микеладзе уже работала на развалинах Спитака. Казалось бы, экстренная, оперативная журналистская работа, не претендующая на анализ и обобщения по определению. А сколько на деле философских аспектов затронул автор этого фильма, как глубоко вторгается его мысль в суть трагедии!

Ни одно событие крупной социальной, политической значимости не проходит мимо внимания документалиста Вахтанга Микеладзе. Окидывая мысленным взором те десятки лет, которые мне довелось наблюдать процесс неутомимой творческой деятельности Вахтанга, не могу не восхититься масштабности мышления этого удивительного человека, который всегда имеет свое собственное, всесторонне проанализированное мнение. И, что поразительно, даже горячо споря с ним о чем-либо, с течением времени проникаешься правотой его убеждений, безупречной логикой предсказан-

ного им развития ситуации.

Давным-давно, когда не было еще в нашем обиходе дорогой сверкающей аппаратуры, я любила заходить в тесную монтажную фирмы «Московская хроника» в переулке Дурова, заваленную чуть ли не до потолка большими круглыми бобинами киноленты. Осторожно переступая через вьющуюся по обшарпанному полу длинную-предлинную ленту, тихо подходила к большому неуклюжему монтажному столу. И заглядывала через плечо увлеченного работой Вахтанга. Часами можно было с неиссякаемым интересом наблюдать, как ловко им разрывалась тугая лента, скручивались и склеивались новые клубки. И ведь все это тогда делалось вручную. Под неизменно звучащую музыку. Классическую, джазовую, фольклорную... Особая взыскательность Вахтанга к подбору музыкального ряда своих фильмов, глубокие познания в музыкальной культуре, понимание музыки как составной части души уходят корнями в духовное наследие его отца.

Профессионал, крупный мастер своего дела Вахтанг Микеладзе в душе своей остается романтиком, верящим в действенную силу дела, которым он занимается всю жизнь.

На пике успеха и всеобщего интереса к самобытному творчеству Вахтанга Евгеньевича главный редактор газеты «Известия», наш общий друг и соотечественник, тбилисский журналист Игорь Голембиовский попросил меня написать очерк о Вахтанге. Шутки ради мы решили с Вахтангом создать атмосферу подчеркнуто официального интервью. Я названивала ему по несколько раз в день. И на мой бесстрастный вопрос, не занят ли уважаемый Вахтанг Евгеньевич, он живо входил в роль и отвечал сухо своей коронной фразой: «Занят, конечно, делаю кино. Но, так и быть, говорите, говорите!» После чего мы хохотали и далее уже официоз испарялся. Наконец, поздно вечером мы пересеклись и долго колесили по опустевшим к ночи, заснеженным московским улицам. Игра в интервью вскоре переросла в привычную беседу обо всем сразу. Где-то в первом часу ночи подъехали к бензоколонке. К нам подскочили два пацана. Один совсем мелкий, дошкольного возраста, второй лет двенадцати. Оба бойко хлопотали вокруг машины Вахтанга, то ли вдохновленные видом солидной иномарки, то ли интуитивно угадав, что этот дядя будет особенно щедр к ним. Полночь на дворе, мороз около тридцати градусов. Выйдя из машины, Вахтанг о чем-то долго говорил с мальчишками. До меня долетели его слова, произнесенные неожиданно сорвавшимся охрипшим голосом: «Тот малой, значит, мамке отдает, а ты на себя колымишь?»

Сев за руль, Вахтанг резко срывается с места. И молчит, долго и грустно. «Вот оно, его документальное кино», - думаю про себя и больше ни о чем его не спрашиваю.

Вахтанг Микеладзе из тех, о ком Антуан де Сент-Экзюпери сказал: «Мы в ответе за тех, кого приручили». Едва соприкоснувшись с чужой бедой, Вахтанг берет на себя ответственность за «всяку Божию тварь», вручившую ему свою боль.

Никогда не задумывалась над тем, как, оказываясь, трудно писать о самых близких и дорогих сердцу людях. Так же трудно, как исповедываться самому себе. Как найти те слова, которые донесут до читателя все чувства, мысли о творчестве и человеческой значимости яркой неординарной личности, рассказать так, чтобы читатель полюбил того, о ком пишешь, как любишь и ценишь ты сам?

▲ Тамара Микеладзе с племянниками Вахтангом и Тинико

С Вахтангом Микеладзе, с историей его семьи связаны практически вся моя жизнь и история моих предков. Наши судьбы переплелись задолго до нашего появления на свет. Трагедия гибели отца постигла и меня. И в моей семье в те годы голоса были приглушены горем. Нас роднит многое, но есть одна, глубоко запрятанная в сердце заветная тема. Синее небо Грузии. Та самая красивая улица в мире, которая как река уложена в главном русле любимого нами Тбилиси. Ибо все, что мы делаем, то, как мы живем и мыслим, согрето лучами тбилисского солнца, теплом тех мест и тех людей, которые нас еще помнят. А мы живем, никогда не забывая, откуда мы родом. Вахтанг как-то сказал: «Каждый мой фильм я делаю для Грузии». Как бы мне хотелось, чтобы в Грузии посмотрели лучшие фильмы Вахтанга Микеладзе, особенно картину «Я был приговорен к пожизненному заключению». Была бы добрая воля...

История семьи Микеладзе, светлого красивого человека, гениального музыканта Евгения Микеладзе легла в основу не одного художественного произведения. А я по-прежнему жду то особое, неснятое еще Вахтангом кино – полнометражный художественный фильм о нашем – не потерянном! - поколении, о том невероятно трудном своем обязательстве перед отцом сохранить что-то самое главное из оставленного им Вахтангу и передать это уже своим детям и внукам, о печали невозможных потерь и силе духа выдержавших жестокие испытания перед своей гибелью, о новых открытиях в жизни с помощью искусства и всепобеждающей любви.

Ирина ШЕЛИЯ
г.Москва

ГОСТЬ СЛУЧАЙНЫЙ

Поэт, прозаик, драматург, журналист и переводчик Равиль Бухараев и его супруга литератор Лидия Григорьева в июне 2011 года были участниками V Международного русско-грузинского поэтического фестиваля «Сны о Грузии». К сожалению, 24 января 2012 года Р.Бухараева не стало.

Помещаем в журнале главы о Грузии из неопубликованной книги Р.Бухараева «Гость случайный», которые предоставила редакции вдова писателя.

1.

Однажды, после очередной темной и бесснежной английской зимы, подумалось: когда же в последний раз случалось мне рассматривать по весне хрустальные сосульки и слушать, как звенит капель? Неужели же в Тбилиси, над Авлабаром, на нагорной улице Ширшова это было, в феврале?

Мне было семнадцать лет, а в Грузии была весна. Я тогда приезжал на похороны тети Этери, матери моих названных братьев Алико и Дато. Похороны были тем безутешнее, что и отец их умер совсем незадолго до этих внезапных новых похорон. Он, едва сорокалетний, умер во время нечаянного дневного сна, словно вдруг устав от навязанной и ему грузинской гонки честолюбий, и его тоже схоронили, вознеся по крутым улицам на кладбищенскую гору.

Сироты оказались нам как бы некровной родней,

счесться которой было достаточно просто. Произошло все от светлой наивности, этого божественного свойства чистых сердец, которым только и побеждается мир. Тетя Этери, поняв, что в Тбилиси, где тогда все продавалось и покупалось, на определение старшего сына в медицинский институт не хватает у семьи ни полезных знакомств, ни тем более денег, нашла на карте СССР университетский город Казань и приехала вместе с сыном в незнакомые холодные края в надежде, что, если не люди, то уж Бог-то поможет. По приезду, уже в гостинице, нашла она в телефонной книге первую же грузинскую фамилию – и позвонила наудачу.

Между тем следует знать, что за много лет до описываемых событий одна из двоюродных сестер моего отца вышла в Казани замуж за грузина и родила

ему четырех сыновей, тем самым посилено примирив многочисленную мегрельскую родню со своим волжским происхождением. С первенцем ее, татарско-грузинских кровей, я оказался одногодком, и он стал моим главным другом с детства – на всю нашу скитальческую жизнь. В эту-то семью, по Божьему соизволению, и позвонила тетя Этери, и очень скоро познакомилась и с моими родителями.

Грузия к тому времени уже вошла в нашу семью и с другого бока: у папы, известного математика, оказался аспирант Картлос, который соответственно зачастил в Казань, и связи с Тбилиси установились и по научной, и по дружеской линии.

Картлос, как эпический герой, был прекрасен образом и до наивности чист душою: его нельзя было не полюбить. «В Грузии цари были поэтами!» - говорил он и играл на гитаре. С ним в нашей квартире зазвучали грузинские песни, и появился целый набор пластинок с криманчули – древними, как сама душа Сакартвело. Некоторые из них тотчас запали мне в душу настолько, что я выучил их слова по-грузински.

«И грузинскими песнопениями в моей жизни я обязан отцу!», - недавно это осенило меня в лондонской православной церкви на Эннисмо Гарденс, что у Гайд-парка, во время концерта грузинской духовной музыки, над которой пролились-таки слезы краткого просветленья. Эта хоровая музыка много древней самого грузинского христианства: слова незапамятных языческих песнопений были отчасти переписаны святыми отцами и великими царями-поэтами Грузии, где традиция на протяжении тысячелетий была столь непобедима, что опровергла и пословицу о том, что нельзя вливать новое вино в старые мехи. Но ведь не от слов плачу я, а от природной идеи единства и трудного братства, растворенной, но столь осаждаемой и в храмовых гимнах, и в застольной «Мраважалмиер», от которой я и в светлой трезвости не умею и не хочу удержать тех нестыдных слез благодарения.

Так о братьях моих. Необходимость учиться привела в Казань сначала Алика, потом и Дато. Учились они всегда честно, - сиротская доля и не предпологаля иного, тем более, как уже известно и читателю, очень, очень скоро остались они круглыми сиротами.

Так случилось, что я полетел в Тбилиси на похороны, и там окончательно породнился с Грузией – под истошные крики плакальщиц на старом Кукийском кладбище и в тостах печальных застолий, когда мы пили вино из маленьких граненых стаканов и орошали им горький хлеб поминок. Но мы были молоды, и солнце светило: чем громче были похороны, тем тише стало после них.

Мы стояли на улице, и хрустальная капель звучала. В соседях раздавался стук молотка, но заколачивали не гроб, а огромные деревянные ящики-контейнеры: тогда многие уезжали из Тбилиси в Израиль, вот и соседи тоже. Но Грузия еще была Грузия. По проспекту Руставели гуляла блаженная и безупречно одетая молодёжь; денег никто из знакомых не считал, поскольку это считалось неприличным, а фуникулер исправно поднимал желающих на гору Давида.

Грузины тогда еще вполне оправдывали свое прозвище «вечных детей Кавказа». Уверенная детская беспечность была во всем, тогда, в той Грузии, которой больше не будет никогда. Я возлюбил ее беспмятно и стал стараться бывать там как можно чаще, и всякий раз она вознаграждала меня за верность новизною чувств. Вознаградила и в последний раз, хотя последняя эта новизна была так трагична и безнадежна, что об этом лучше чуть позже.

2.

Тогда был июнь – Грузия была свежа и прекрасна. Сухость математики, которую я занимался по аспи-

рантской необходимости, растворялась в непростой любви к будущей жене, обуявшей мое простодушное сердце. Это можно было назвать даже и страданием подстать терзаньям молодого Вертера, которыми я считывался приблизительно в то же время. Но, если душа еще и не прозрела к сокровенной красоте незримого, то глаза уже прозревали к внешней красоте мира – прозревали так, что бывало больно.

Не тогда ли я навсегда запомнил Грузию – такую, какою она была и уже никогда не будет из-за того, что так страшно оскорбила свою высокую душу еще не испытан до конца постыдством величайшего за тысячи лет унижения, ногами нетерпеливых, взалкавших и утративших путь сыновей, втоптав в грязь свою жизнетворную лозу, свой символ и гордый дух свой.

Грузия была свежа и прекрасна, и трагическая печаль ее звучала еще только фоном тщеславного праздника жизни.

Прекрасен был Тбилиси, который я еще не мог и не умел ни с чем сравнить: шумели зелеными кронами чинары, они же платаны; Мтквари струила под Метехским замком свои сильные, вкруговую вращающиеся воды, и Пантеон на горе Давида, где похоронены в зарешеченном гроте А.С. Грибоедов и Нина Чавчавадзе, пробуждал куда больше мыслей, чем казанское Новотатарское кладбище, куда я тогда почти и не заходил: незачем было.

Я помню, как, стоя возле грота, с младой торжественностью поклялся себе, что не буду писать стихов о Грибоедове подобно всякому залетному поэту, и Тбилиси, лежащий подо мною, стал свидетелем этой клятвы всуе. В конце концов я, вопреки своему честному желанию, озаботился судьбой Грибоедова едва ли не больше, чем собственной, и пророческая трагедия его неутоленного честолюбия, не отпуская, тревожила мое воображение и в последующем сказочном путешествии по Алазанской долине, и в самой родовой усадьбе Чавчавадзе в Цинандали, полном цветущих магнолий...

В неутолимом восторге продолжающегося немислимого счастья мы посетили Телави с его столетними чинарами и заехали в Икалто – один из многих исторических монастырей Грузии, чтобы проникнуться светлым духом великой культуры. Тогда, в первом восхищении познания, я еще не умел ни с чем сравнить эти живописные руины, сквозь серые камни которых проросли цветущие кусты и дивные отдельные травы.

Каменная давящая для винограда – каменные желоба, по которым стекал красный и золотой сок переспелых гроздьев, уходя из охранительной виноградной плоти в духовное бессмертие вина, которое не пьянит, но служит хлебом возвышенной души.

Каменные марани – устроенные в земле безмерные кувшины для этого трезвого вина, которое во тьме времени набирается не хмеля, но земной мудрости. «Здесь была духовная академия, где учился Шота Руставели», - сказали мне, и я готовностью поверил, так же, как охотно верил всему, что видел и слышал в ту далекую пору запальчивой, переполненной бродящими соками юности.

Юность, виноградный сок жизни. Не вино греховно, а пьянство. Не любовь, а блуд. Вино стало не потому, что человек нуждался в опьянении, но потому, что сок нельзя долго хранить: сок бродит и превращается в вино.

Сколько же языческих терзаний во тьме неведения надо претерпеть человеку, чтобы в неистовом и доверчивом брожении ума и души вызрело это чистое вино посилойной мудрости, которая никого не судит и не мнит никого учить, но и не хочет больше укрываться от огорчительного в своей справедливости света истины...

3.

Господи, как жаль! Как жаль, что я больше не верю традиционным тостам, как наивно верил в том пропавшем времени, когда верил и в «мудрость гор», что в советские времена так удобно подменила собою умудренность верующего сердца...

Тогда – на пикниковых берегах Куры и Алазани или на приткнутых, подобно гнездам, к скалам, спрятанных от чужих глаз в горной растительности деревянных террасах духанов «для своих» - сквозь ветви или, если было высоко, в открытую виделись лежащие внизу стальным лекалом реки, а над ними вставали горы, увенчанные древними храмами.

Уже знакомые тосты вновь и вновь звучали откровенно, случайная дружба казалась вечной, а Грузия представляла как страна вечного и радостного грузинского единства, как земной рай, куда только по радушной милости хозяев мог попасть непосвященный. О, я хотел стать посвященным! Я верил всему, что говорили мне и что я сам вычитывал в исторических книгах, всегда торжественных и возвышенных, как тосты.

Простите же мне, братья, если из всех традиционных тостов могу я на развалинах нашей Грузии без сердечного содроганья слышать только один, второй – «за родителей»! И не вам ли не понять, что трезвое сердце любит пронзительней восторженного и хмельного?

И разве обидеть хочу я вас теперь? Отчая легенда по-прежнему рассказывает поколениям грузин и легковверных гостей Грузии об учебе Руставели в Икалтойской академии, о его умопомрачительной любви к царице Тамар и о том, что фреска с его изображением все еще существует на стене Крестового монастыря в Иерусалиме, где он, по той же легенде, и похоронен. Бог свидетель, я удовлетворился бы этим сказаньем – слишком уж прекрасны руины Икалто и слишком позывают они домыслить и досочинить минувшее, чтобы согласовалось оно с сочиненным настоящим.

Но настоящее, в котором мы сетуем на несовер-

шенство бытия, куда как часто стоит на фундаменте суеверных и пристрастных понятий, на обожествлении собственной национальности и на идеологических противостояниях, со временем коварно превращающихся в нечто само собой разумеющееся.

А что может разуться само собой сегодня, когда весь мир перевернулся вверх дном, и легенды уходят, хотя мы в отчаянии прозревания и пытаемся остановить их, хватая за края развевающихся на ветрах истории одеяний? Мы боимся расстаться со своей главной легендой, ибо что останется, когда уйдет и она? Но мужество дается, чтобы сердцем принять правду, а мудрость – чтобы различать истину, которая только потому и истина, что едина для всех: справедливо исцеление, возвращающее радость.

Но как же трудно смиряться с тем, что твое чувство истории часто навеяно легендами и твоя проистекающая из него нравственная культура может иметь, наряду с привычными, и совсем другие корни! Совсем недавно можно было, подобно осудившим Сократа античным грекам и одержимым идеей государственного порядка древним римлянам, продолжать настаивать на том, что миф дороже истины, поскольку обеспечивает покой и преемственность в обществе и держит чернь в узде привычных представлений. Так легенда, освященная временем, становится паче сердца и разума, служить которым она была предназначена, и лучшие умы человечества уверяются, что национально-традиционное чувство нравственного и есть последняя истина. Но свое право думать и говорить я, как и все другие люди, заслужил хотя бы тем, что, как уже было замечено, умру, как и все другие люди.

4.

По возвращении в Тбилиси из обильной Кахетии, - после всех красот и восторгов Икалто, после вечерних пиров над струями Алазани, с белым вкуснейшим ли-

монадом и целовареной серебряной рыбкой цоцхали, после жареного седла дикой козы в сопровождении сочных луковок молодого чеснока и янтарного вина Кахури, - я нашел повод поспорить с отцом, и эта бессовестная, стыдная и неискупимая ссора, имевшая место на ночном мосту перед Метехским замком, омрачила остаток пребывания в Грузии. Я все старался хоть как-то сгладить свою вину, но не выходило: нанесенная мною отцу обида была слишком глубока и незаслуженна.

Как же я не заметил, что в счастье познания возмнил о себе? Что двигало тогда моей душой? Была в ней, точно, земная любовь, в которой я и сам не слишком еще разобрался. Где была в этой любви жертвенность, а где удаль молодого, проистекавшего от неопытности и глупости героизма, неясно было, однако для прояснения подобных обстоятельств нужна была вся жизнь, а она была еще впереди у меня и благодаря этой любви запросто могла не задаться. Так полагал отец – в уверенности опыта.

Было бы мне прислушаться к нему и не настаивать на своем так необратимо и своевольно, но Грузия тех лет не учила мудрости, и искусительно звучали среди пиров и хмельных восторгов классические слова Ильи Чавчавадзе, вотще направленные буйной юности, стихийно умеющей любить, но не отвдававшей еще горького счастья ответственности:

«Сын должен знать, где и на чем остановился отец, чтобы с того места тянуть ярмо жизни. Сын должен ясно представлять себе, в чем его отец был прав и в чем ошибался, где он добро принимал за зло и где зло за добро, что помогало ему и что мешало, когда и почему он трудился и когда и почему бездействовал» (перевод А. Беставашвили).

Но не предполагает ли это, что сын способен понять отца, чтобы судить о нем, а ведь понять и судить может только равный. Никогда же сын не будет равен отцу, если уважает, а паче – истово любит его, поскольку от отца получает все, кроме совестных терзаний души и непоправимых ошибок собственной жизни. В самих словах этих – отец и сын – заключается соотношение истока и продолжения, и как сын не бывает раньше отца, так и не судить отца сыну. Назовите же равных братьями, но не равняйте древа с плодом: и разве не возмущается этим мнимым тождеством изначальная младенческая понятливость души и сердца?

Никакая мудрость жизни не выше ведь этой Богом дарованной прозорливости детства, и тот, кто к старости становится мудр, не умудрен разве главною способностью – благодарно благоговеть перед своим небесным и земным истоком? Даже и брошенный, разве что в сердцах, не упрекнет отца, если сам не поднял сына, и блудный во снах возвращается к отцу, и сирота в вечной мудрости страданья до смерти ищет бесплотную тень его в многолюдном своем одиночестве.

Если бы ясность приходила тогда, когда необходима, чтобы и вправду, вопреки данностям жизни, мог человек снять с собственного отца ярмо ответственности и самостоятельно потянуть эту жизнь дальше в надежде, что и его сын сумеет принять эту несложную внешне эстафету бытия! Но увы, жизнь становится понятна всякому человеку только задним числом, и лишь теперь, тоскливо оглядываясь и озираясь вокруг, вижу, где и когда мог бы снять со своего отца ярмо, но как раз тогда меня и не было с ним рядом – как по справедливости нет теперь рядом со мной и моего сына. И это несбывшееся благородство томит и будет томить меня, хотя я понимаю, что это – всего лишь жизнь как она есть, во всей ее лукавой простоте.

Быть может, чтобы избежать тягостной ссоры, было мне просто солгать отцу? Было прибегнуть к спасительной лжи – той, что и ныне лукаво именуется святою?

Гармония нашего совместного познания Грузии

была нарушена невозвратно. Мое понятие о том, что мне предстояло делать с собственной жизнью, встало между нами, сыном и отцом, и явилась во всем нашем кровном и духовном родственном единении разность между нами: мы словно перестали быть чем-то одним, и я отделился от отца. Он понял это тогда – я понимаю это сейчас и каюсь, как кается человек в зрелости – за то, чего не мог не сделать.

Так жизнь моя жива стыдом за прошлое, и всякую тяготу, всякое утеснение во искупление этого нескончаемого стыда принимаю ныне как должное. Тогда же, в утраченной Грузии, мне, как всякому недорослю, должноствовало только восторженное веселье: я гнался за ним, как щенок за очередной бабочкой, и всякую нанесенную вчуже обиду воспринимал разве как досаду, препятствующую делу радости. Однако эта ссора с отцом и эта обида были иными: до этого единение наше было единством, и все, что не вмещалось в это единство, уходило прочь и не оставляло по себе долгих воспоминаний. Это единство, еще не проверенное ничем, никакими людскими страстями, мнилось вечным

▲ Александр Радашкевич и Равиль Бухараев – гости Грузии

и естественным, как родственная любовь. Тем паче страшилась душа даже и малого отторжения от всеединства любви и явной дружелюбности мира, и любая ссора казалась трагедией, хотя все эти нити можно было еще и связать, и спрясти воедино...

Так что следующая веселая поездка – в Мцхету – не задалась. Мы молча поднялись на машине по серпантину шоссе на самую гору, в поднебесные леса Зедазени, и уже пешком, не спеша никуда, спустились к храму, оглядывая глубинные просторы. Внизу, где была Мцхета и острым шлемом взмывала над нею в небо древняя церковь Светицховели, блистая, сливались воедино Арагви и Мтквари, а вниз по течению Мтквари-Куры, был Тбилиси, праздничный и необязательный, как желания молодости.

Равиль БУХАРАЕВ
(Окончание следует)

ВАЛЯ, ВАЛЕЧКА...

Валечка, Валя Воинова... Язык не поворачивается назвать эту замечательную актрису Валентиной Ивановной – несмотря на юбилей, статус заслуженной артистки Грузии и многолетнее служение грибоедовской сцене. Ее легкость, молодость духа и непосредственность в общении с людьми совершенно исключают «Ивановну» и предполагают «Валечку». Именно так к Воиновой и обращаются любящие ее люди – родные, друзья, сослуживцы. По болезни актриса уже долгое время не выходит на сцену, но в гримерке лежит ее косметичка и терпеливо ждет свою хозяйку...

СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК

- Все время перебираю события своей жизни – я, наверное, счастливый человек, хотя в моей жизни было много потерь, расставаний, простоев в работе – как известно, когда меняется начальство, меняется и жизнь в театре. И все-таки с первых мгновений моего появления в Тбилиси и по сегодняшний день я самый счастливый человек в мире! А привез меня сюда из Севастополя народный артист Грузии, потрясающий мастер сцены Анатолий Дмитриевич Смиранин. В тот период он снимался в знаменитом фильме «Человек-амфибия», и съемки проходили в Крыму. Анатолий

Дмитриевич увидел меня в Севастополе, на улице. Завязался разговор. Смиранин спросил меня, не хочу ли я работать в Тбилиси, рассказал о театре имени А.С. Грибоедова. Своим обаянием, внимательным отношением, рассказом о замечательном Тбилиси Анатолий Дмитриевич меня убедил, и я ответила: «Хочу!» Вскоре я получила три телеграммы. Одну прислал директор театра Пако Мургулия, который, кстати, стал для меня впоследствии олицетворением Грузии. Высокий, красивый, с представительной внешностью, он был очень хорошим директором. Автором второй телеграммы был главный режиссер театра Абрам Рубин, а третью написал сам Смиранин. И я приехала в Грузию. С тех пор прошло целых 53 года! Я тогда была молодой актрисой, сыгравшей несколько ролей на севастопольской сцене. О карьере не думала – играла и играла! И абсолютно не сомневалась, ехать мне в Тбилиси или нет. Мне было 22 года.

САРАТОВ

- Мои родители из донских казаков, кулаков. Деда расстреляли. Мама трудилась на тяжелых работах. Папа погиб в 1943 году. Я всегда, сколько себя помню, стремилась в театр – он был для меня воплощением другого, прекрасного мира. Одноклассница, тоже мечтавшая стать актрисой, сказала мне, что в Саратове есть высшее театральное учебное заведение. Кстати, в знаменитом Саратовском театральном училище имени И.А. Слонова азы актерского мастерства постигли Борис Андреев, Олег Янковский, Владимир Конкин, Евгений Миронов и другие известные личности.

Я поступила легко. Прочитала монологи Липочки из комедии Островского «Свои люди – сочтемся», Катерины из «Грозы» - я тогда мечтала сыграть эту роль. Не сдала экзамен по истории, но меня все равно взяли:

сначала – вольнослушателем, через месяц – кандидатом в студенты, а еще через месяц я стала студенткой, получающей стипендию в 200 рублей.

Моим педагогом в училище был Юрий Петрович Киселев, к которому я была равнодушна. Однажды меня едва не выгнали за воровство – я украла со стенда его фотографию. Берегу ее по сей день. Это был потрясающий педагог!.. Весь наш курс оставляли в знаменитом Саратовском ТЮЗе, который славился своими спектаклями. Но мне хотелось вырваться из Саратова, выйти на новую орбиту!.. Спустя годы Киселев приезжал в Тбилиси на конференцию, разыскал меня в театре, а позднее даже прислал в Тбилиси свою дочь Машеньку.

СЕВАСТОПОЛЬ

- После Саратова был Севастополь. Пригласил меня главный режиссер Севастопольского русского драматического театра имени А.В. Луначарского Борис Александрович Рябикин – он присутствовал на дипломном спектакле «Мещане» Горького. У меня была роль Поли – не самая интересная в пьесе. Я уже к тому времени привыкла к другим, более ярким ролям – например, гоголевская Агафья Тихоновна.

В Севастополе сыграла Марину в спектакле «Власть тьмы» Толстого, еще несколько ролей. Но об одной своей работе хочу сказать особо: я сыграла потрясающую роль, которая случается один раз в жизни. Жаль, что сегодня не ставят Луначарского, написавшего две прекрасные, на мой взгляд, пьесы «Яд» и «Королевский брадобрей». Именно в «Королевском брадобрее» в постановке Бориса Рябикина я выступила в роли сумасшедшей сестры Доротеи, призывающей народ к бунту. Мне повезло: актриса, игравшая эту роль, уехала в Москву. Образ Доротеи – для опытной актрисы, обладающей зрелым мастерством. А тут – я, совсем еще молодая артистка, делающая первые шаги на сцене! Особенно трудно было работать с белым стихом, которым написан монолог моей героини. Перед выходом я ужасно волновалась, а уходя, чувствовала себя опустошенной... Я показывала свою Доротею в Днепропетровске, Одессе и даже в Тбилиси. Во время гастролей в Одессе увидела плакат, оповещающий о гастролях театра имени Грибоедова. На афише была изображена Наталья Бурмистрова в какой-то роли. Иди не верь теперь в судьбу!

ТБИЛИСИ

- В Тбилиси я влюбилась сразу, едва выйдя на улицу из гостиницы, куда меня поселили сразу после приезда. Прошла буквально один квартал до театра, и на меня буквально нахлынули чувства. Смотрю и понимаю, что уже люблю этот город. Запомнила всем известных «биржевиков», кричавших мне: «Красавица, живи сто лет!» А я проходила с независимым видом, словно это меня совершенно не касается. К сожалению, сегодня атмосфера в городе изменилась – нет прежней доброжелательности, домашности, тепла в отношениях между людьми. Еще одна моя любовь с первого взгляда – это, конечно, театр. Меня окружили вниманием, заботой, и сразу родилось ощущение, что я работала на грибоедовской сцене всю жизнь.

Первой моей работой в Тбилиси стала роль, сыгранная в спектакле «Старый дурак» Константина Финна. Моим партнером был, без преувеличения, гениальный актер Александр Сергеевич Ермилов. Артисту было тогда уже немало лет. Я играла в спектакле его внучку, а молодая Наталья Бурмистрова – Таську Грачеву. Играть с ними рядом было праздником!

Рядом со мной в театре были прекраснейшие женщины: Наташа Бурмистрова, Тамара Белоусова, Лиля Зверева, Муся Кебадзе, Нонна Плотникова, Ядвига Осиповна Максимова! Я не ощущала разницы в воз-

▲ Валентина Воинова в спектакле «Иванов»

расте, хотя нас разделяло не одно десятилетие...

Жила я тогда на проспекте Руставели в условиях коридорной системы, имевшей свои плюсы и минусы. Не забуду наши девичники. К нам, женщинам, присоединялся и знаменитый мэтр: актер и режиссер Мавр Пясецкий – в косынке, в фартучке... Сейчас вспоминаю все это и думаю: «Господи, какая же я была счастливая, в какой любви я жила!» Поэтому у меня ни разу не возникло желания что-нибудь поменять в своей жизни. Понедельник был самым нежеланным днем, потому что я не знала, куда себя деть в выходной. В отпуск ехала к маме и сестре, а возвращалась домой – в Тбилиси. Здесь меня за пять десятилетий ни разу никто не обидел, не оскорбил. Даже коридорная система, с ужасными бытовыми условиями вспоминается сегодня с добрыми чувствами – я прожила бок о бок с соседями-грузинами одиннадцать лет в любви и согласии. В моей маленькой комнате собирались музыканты, художники, артисты. Вокруг меня сложился определенный круг, и нам было интересно жить! Стоит ли удивляться, что «коридорный» период я вспоминаю как лучшее время своей жизни? Соседи плакали, и я плакала, они радовались – и я радовалась вместе с ними... А мои вечные и верные друзья? С изменением политической ситуации на постсоветском пространстве многие уехали из Грузии. Мы пережили тяжелейшие времена голода, холода, безденежья, тем не менее театр посещался зрителями. Помню, как мы сидели в театре зимой в малюсенькой комнате и грелись. Но никогда не возникало желания уехать, никогда! Потому что всю жизнь прожила в любви.

МОИ РЕЖИССЕРЫ...

Хочется сказать о Гиге Лордкипанидзе. Сначала он пришел в театр Грибоедова на постановку одного спектакля. По какой системе он работал, сказать не могу. На репетициях мы много шутили, смеялись – ведь

▲ Сцена из спектакля «Принцесса и свинопас»

Гига просто замечательный рассказчик! Не помню, как шла репетиция, но в результате выходил замечательный спектакль с великолепными актерскими работами. Гига дважды был нашим главным режиссером. Это было прекрасное время, театр переживал настоящий бум! В моей квартире, где я сейчас живу, а тогда – общежитии, мы собирались, скидываясь по 2-3 рубля, и приглашали в нашу компанию Гигу. Он всегда очень хорошо ко мне относился.

Александр Осипович Гинзбург – это был просто родной человек! Мы, актеры, с ним и директором Пако Мургулия часто общались в неформальной обстановке. Это были отношения не подчиненных и начальства, а близких людей.

Вспоминаю один случай, связанный со спектаклем «Снимается кино» Э.Радзинского. Я играла в нем Блондинку, у моей героини были длинные светлые волосы под Марину Влади. На ней было желтое блестящее платье по фигуре, зеленые туфли на каблучках, в руках она держала сумку такого же цвета. Роль, кстати, была великолепная, я ее очень любила.

Со спектаклем «Снимается кино» мы гастролировали в Волгограде, и Гинзбург полусуто вдруг предложил мне перед спектаклем: «Приглашаю тебя в ресторан, но только в таком виде, как сейчас!». «Хорошо!» - отвечаю. После спектакля иду к Александру Осиповичу в номер, одетая в тот же костюм, грим и парик, а со мной – вся труппа. Увидев меня, Гинзбург чуть не упал от изумления. «Я готова, пойдём в ресторан!» - сказала я. По всей видимости, Александр Осипович не ожидал от меня такой прыти, но в ресторан артистов все-таки повел. Вот такие были отношения...

Мне довелось поработать с самим Петром Наумовичем Фоменко сразу в двух спектаклях. У меня тогда был грудной ребенок, что создавало, конечно, проблемы. Помню, как Фоменко сидел у меня дома и говорил, что Гига – он был тогда главрежем – собирается меня заменить. Уже была афиша, сроки поджимали, но Фоменко менять меня на другую актрису не хотел. Так

и не заменил...

В психологической драме «Свой остров» Р.Каугвера я сыграла одну из главных ролей, но спектакль шел недолго, потому что уехали в Москву молодые актеры, занятые в постановке. Второй спектакль Фоменко – комедия «Дорога цветов» В. Катаева. В спектакле вместе со мной играли блестящие актеры – Арчил Гомиашвили, Джемал Сихарулидзе, Лара Крылова, Муся Кебадзе... Какие образы создавал Фоменко, рассказать невозможно! Он работал играючи, легко, а однажды поставил меня в неловкое положение, сказав: «Ну,отреагируй так, как ты умеешь, - неожиданно!» «Петр Наумович, как я сейчас уже могу отреагировать неожиданно? У меня мысли разбегаются: что бы мне такое придумать, чтобы это было неожиданно?!» - растерялась я... Мы порой даже не замечали того, как Фоменко добивался нужного результата. Если режиссер хороший, он, как правило, требователен, обращает внимание на мельчайшие детали образа... В то же время когда тебе легко работается, то и результат получается лучше. Не со всеми мне было так легко! Помню, на репетиции Петр Наумович показал Мусе Кебадзе, как двигается ее героиня. «Вот так будете ходить!» - сказал Петр Наумович и начал подпрыгивать. От этой подпрыгивающей походки у Муси родилось состояние, которое ей предстояло передать. Ларе Крыловой он посоветовал положить на голову грелку и ходить с ней, чтобы вызвать нужное ощущение...

Из людей театра часто вспоминаю заместителя директора Гайка Гевеняна – человека, которого знал весь город. Он ко мне очень тепло относился. Гайк Сергеевич всем делал добро, его многие знали и уважали. Настоящий человек театра, преданный своему делу. По-моему, он даже ночевал в театре...

Из театра лучше уходить на год раньше, чем на день позже, - сказала одна умная актриса. Эти слова мне запомнились навсегда. Театр строится на молодежи, никуда от этого не денешься, ведь на молодых приятнее смотреть, чем на стариков, и с годами я ста-

ла жить с этим ощущением. Тем более, что работы, конечно, поубавилось.

Однако с приходом в театр нового худрука Авто Варсимашвили мне поручили роль Дорины в спектакле «Тартюф» Мольера в постановке Алекси Джакели, я также приняла участие в грузинском спектакле вместе с актерами руставелевского театра – это были «Провинциальные анекдоты» Вампилова, поставил спектакль Торнике Глонти. Он шел на малой сцене театра Грибоедова. И я была счастлива, что Авто Варсимашвили дает мне возможность выходить на сцену в новых спектаклях!

Когда он ставил «Мастера и Маргариту» Михаила Булгакова, то сказал мне: «Валя, к сожалению, нет здесь интересных женских ролей для вас!» Но для меня главным было – работать, быть при деле. За все эти годы мне ни разу не дали почувствовать: «А не пора ли, Валя, уйти на покой?» Я очень благодарна Авто за доброе ко мне отношение. Когда я серьезно заболела, он позвонил и успокоил мою дочь: «Пусть Валя лечится и возвращается в театр, не волнуйтесь, все роли останутся за ней! Когда вернется, будет играть свои роли, и новые, если сможет!» И я расплакалась...

С директором Колей Свентицким мы уже много лет делим и горе, и радость. 47 лет вместе прожито – это родной человек! Нам всегда было легко, интересно общаться, и в этом близком общении забывалось время. Коля когда-то жил в небольшой квартирке недалеко от театра, и мы, актеры, часто у него собирались, стали близкими людьми. Не скажу сегодня: «Николай Николаевич!» Для меня он – Коля. Кто выручит в самых затруднительных ситуациях? Коля! Он любит делать добро и получает от этого больше радости, чем тот, кому он помогает.

МОИ РОЛИ И ПАРТНЕРЫ

- Так получилось, что в основном я играла комедийные роли, но тяготела и к драматическим. Мавр Пясецкий поручил мне сыграть в своем спектакле «Бой с тенью» А.Тур сложную драматическую роль женщины – выпускали его в армянском театре, потому что наше здание рухнуло... В то годы были приняты обсуждения спектаклей, работ актеров, меня хвалили, говорили, что не ожидали того, что я могу создать такой интересный драматический образ. Хотя была в моей актерской копилке и замечательная роль Авдотьи Романовны в спектакле «Преступление и наказание» в постановке Серго Челидзе. А ведь это самое начало! Спектакль имел огромный успех, в первую очередь из-за Юрия Шевчука – Раскольников. Анатолий Смиранин играл Свидригайлова. Шевчука после этой роли сразу забрали в БДТ.

Помню еще одну интересную работу в спектакле «Двойная игра» - здесь моей партнершей была Надежда Сперанская. Мне было интересно с чисто профессиональной точки зрения показать истинную сущность своей героини-шпионки: будучи циничной, вульгарной, врагом, она играла роль нежной, порядочной девушки.

Я любила и эпизодические роли – так, в спектакле «Гнездо глухаря» В.Розова я играла маленькую, но очень любимую роль. Моя героиня-продавщица Вера Васильевна – появлялась в самом конце спектакля, но как! Я говорила текст пьесы: «Если что потребуются, в очередь-то не становитесь, а сзади в дверку мне стукните, я открою и... У меня там всегда что-нибудь дефицитное». И я обязательно что-нибудь от себя добавляла, типа: «Даже масло без талонов!» И зал, как правило, взрывался аплодисментами.

В спектакле «Сослуживцы» Э.Радзинского я играла секретаршу Верочку. У меня была гениальная партнерша – Валентина Семина, ничуть не уступающая

Алисе Фрейндлих, замечательно сыгравшей роль Какулиной в кино.

Мне нравились мои роли в спектаклях «Гусиное перо» С.Лунгина и И.Нусинова, «Чудесный день» И.Злобина и М.Селезнева, «Палата» С.Алешина, «Чемодан с наклейками» Д.Угрюмова, «Проводы белых ночей» В.Пановой... В «Дневнике Анны Франк» моей партнершей была прекрасная Ариадна Шенгелая. Этот спектакль произвел настоящий фурор!

Вспоминаю спектакль «Физику» Ф.Дюрренматта. Режиссер Сандро Товстоногов выстроил мою роль матери троих детей Лины Розе таким образом, чтобы не было ни одной слезинки, хотя подобное искушение в самом начале репетиций было. В его трактовке пациенты психушки – нормальные люди, а те, кто находятся вне стен клиники, в том числе моя героиня, – сумасшедшие. И это режиссерское решение было намного точнее.

ЛИЧНОЕ

- У меня был потрясающий муж – директор театра Отар Папиташвили. С ним я прожила в счастливом браке семнадцать лет. Он заменил моей дочери отца. У меня выросла прекрасная дочь Кетино – умница, добрая, с большим тактом, внутренней культурой. Этому не научишь. Она моя гордость! Кетино не пошла по моим стопам – стала филологом, педагогом, журналистом. Есть у меня и замечательные внуки...

Я очень благодарна родным мужа, которые всегда прекрасно ко мне относились и поддерживали в тяжелые времена, а также друзьям – Ларе Крыловой, Нелли Килосанидзе, Норе Кутателадзе, Земе Бокое-

▲ Сцена из спектакля «Ханума»

вой, Замире Григорян, Ариадне Шенгелая, Люсе Артемовой. Сегодня меня очень поддерживает и Гуранда Габуня...

Спасибо и молодым актерам театра, которые проявляли ко мне внимание. Все бы отдала, чтобы еще раз посидеть вместе со всеми в гримерке!

Мне очень повезло в жизни, и плачу я только от хорошего – в первую очередь, от доброго отношения окружающих. Когда ты не одинок, то уже не так страшно переносить болезни и невзгоды.

Записала монолог
Инна БЕЗИРГАНОВА

▲ Александр Соколов. Есть ли жизнь на Марсе. Фото М.Гуреева

ПОПЫТКА УВЕРИТЬСЯ В СУЩЕСТВОВАНИИ ЖИЗНИ

Александр Всеволодович Соколов родился в 1943 году в Оттаве (Канада). Какое-то время жил в Советском Союзе, в 1975 году, по его собственным словам, убыл из «замороженной родины». Жил в разных странах. Автор вызвавших широкий резонанс романов «Школа для дураков», «Между собакой и волком», «Палисандрия». Лауреат Пушкинской премии и премии Андрея Белого.

С Александром Соколовым беседует доктор филологических наук, профессор Владимир Чередниченко.

- Александр, думаю, что счастливо не только для вас как писателя, но и для русской литературы сложились обстоятельства, позволившие «Школе для дураков» выйти к широкому читателю. Речь идет о публикации Карла Проффера в американском издательстве «Ардис» в 1976 году. Не раз цитировались слова Владимира Набокова о романе: «Обаятельная, трагическая и трогательнейшая книга». И все же: что явилось толчком к ее написанию? Как долго она писалась?

- Отдельные критики подозревают, что мальчик Вита Пляскин, которому я посвятил книгу, лицо вымышленное: уж очень это имя отзывается виттовой пляской. Однако он реально существовал, действительно был слабоумным, жил в нашем многоквартирном доме на Велозаводской и стал первым другом моего детства. Точнее,

второй, московской его половины. Дружба дружбой, а просвещение врозь: я ходил в обычную семилетку, а Виктора водили в заведение, именуемое в уличном обиходе не иначе, как школа для дураков. Судя по вдохновенным воплям, визгу и хохоту, что доносились из ее открытых в теплые дни окон, учиться там было куда увлекательней, чем в моей. А в юности довелось пригласить сразу с несколькими ребятами, имевшими те или иные странности, или, если угодно, отклонения от нормы. Мы пересекались в кругах творческой богемы, где легкая шизофрения была делом привычным и даже модным. Сдвиг по фазе считался признаком гениальности, залогом грядущего успеха, признания. И давал возможность юному дарованию отвертеться от призыва в армию. И даже претендовать на скромный пенсион по недееспособности. А значит – полностью отдаться искусству. Естественно, что белый билет являлся предметом зависти менее удачливых, то есть более нормальных. Во всяком случае у целого их ряда. И некоторые из этого ряда искали и находили у себя необходимые им симптомы. Будучи одним из тех некоторых, я провел в клинике несколько месяцев. На дворе стояла Оттепель, врачи были гуманны, участливы и поставили мне заветный диагноз. Когда спрашивают, как там, я отвечаю: прежде всего весьма интересно и познавательно. Я вынес оттуда массу впечатлений. Там состоялись весьма важные для меня знакомства. Без этого опыта я был бы другим человеком, другим писателем. Хотя все равно рано или поздно стал бы пользоваться на письме потоком сознания. Не знаю, можно ли научиться думать в этом стиле. То есть совершенно раскованно, давая полную волю воображению, языку и ни на чем особенно не зацикливаясь. Думать, так сказать, не задумываясь. У меня эта способность врожденная, как и способность воспринимать действительность остраненно, по Шкловскому. Тоже очень ценное качество для литератора. Любопытно, что речения этого ряда – остраненность, остраняться, остранение – до сих пор в толковых слова-

рях отсутствуют. По крайней мере в обычных. Вы спрашиваете, как долго писалась «Школа». Года три. Плюс, естественно, все те годы, когда писалось что-то другое. А сочинять я стал рано, ни свет ни заря.

- С интересом читал послесловие Алексея Цветкова к российскому изданию «Школы для дураков» («Азбука-классика», 2008), где он, в частности, пишет: «...Таких книг в русской литературе не только никогда не было, но и никто не подозревал, что они возможны». Далее он говорит в связи с романом о «пробе художественного письма за пределы литературы». Понятно, что это фигура речи: за пределы литературы можно выйти, лишь преодолев притяжение слова. А вот за пределы традиционной литературы письмо, безусловно, выходит. Признаете ли вы влияние на свое творчество Джойса и Беккета? Возможно, с кем-то из писателей вы ощущаете сродство?

- Джойса я читал еще в университете. Читал в оригинале, со словарем. Увлёкся «Дублинцами». Восхитился «Улиссом». «Поминки по Финнегану», разумеется, оказались не по зубам. «Портрет художника» как-то ничем не удивил. Да, наверное, можно говорить о влиянии Джойса. Но ведь в меньшей степени впечатлили другие англоязычные экзотрики Джером К. Джером, Оскар Уайльд, Лоренс Стерн. Именно эксцентризизм, чувство абсурда и юмора, небанальный взгляд на вещи, недоверие к здравому смыслу – вот что в них во всех подкупает. У Беккета это тоже есть, и он мне тоже близок. Особенно увлекла малая его проза. Но Беккета я читал гораздо позже, в восьмидесятых, так что своим заочным наставником считать его не могу. Равно как и созвучного ему Эжена Йонеско.

- Кого из русских писателей можно назвать предшественниками Саши Соколова? Ведь традиция, как сказано в одной из ваших лекций, «это почва и дух искусства».

- В виртуальной Академии Российской Словесности, где я число себя вечным студентом, мои любимые профессора по классу прозы Гоголь, Лермонтов, Бунин, Тургенев, Куприн, Бабель, Зощенко, Катаев, Паустовский, Казаков, Битов... А по классу поэзии опять же Лермонтов, Фофанов, Гумилев, Блок, Маяковский, Пастернак, Корнилов, Смеляков, Окуджава, Владимир Соколов... Все они – писатели одной традиции. Я назвал бы ее традицией безупречного вкуса, изысканного письма, трепетного отношения к языку. Нам всем, которым выпало теперь на нем сочинять, с предшественниками повезло редкостно. С такими не пропадешь.

- Каждый из трех ваших романов имеет свое стилистическое разрешение, свой ключ, свою мелодику. Их мало что объединяет, и это свидетельствует о диапазоне писательского голоса Саши Соколова. Как-то вы сказали, что из всего написанного особо дорого вам произведение, которое носит запоминающееся название «Между собакой и волком» (за роман в 1981 году автору была присуждена премия Андрея Белого. – Ред.). Дорого кому – сочинителю Саше Соколову или читателю Александру Всеволодовичу Соколову?

- И тому и другому, Владимир. Поскольку мне-автору удалось в этой вещи решить кое-какие формальные задачи, найти некоторые приемы, способы для более или менее адекватного изображения верхневолжского образа жизни, верхневолжской речи. Удалось представить быт и бытие незаурядных характеров, которых я повстречал в той местности: егерей, охотников, речников, крестьян. А мне-читателю дорога она вот чем: ведь в текстах ее остановлено хорошее время, возможно, самый удачный отрезок моей российской биографии. Читаю и ностальгирую: какие люди, какие места. Ничего не поделаешь: человек безнадежно слаб. Но не по-черному ностальгирую, в светлом таком ключе.

- В романе Макса Фриша «Назову себя Гантенбайн» рассказчик рассуждает о «трещине» между «я» подлинным и тем «я», которое кем-то или чем-то хочет казаться при жизни, между Гантенбайном и Эндерлином. Сколь

остры диалоги и противоречия между Сашей Соколовым и Александром Всеволодовичем Соколовым? Являются ли они предметом рефлексии?

- На выступлениях приходилось встречать читателей, озабоченных моим психическим равновесием. Дескать, прочли мы тут вашу «Школу», экая увлекательная повестушка, сколь замечательно точно вы отразили синдром раздвоения личности, а главное – сколь искренне, безо всякой утайки; и часто это у вас случается? Я, конечно, пытался разубедить их, уверить, что сам-то я совсем не такой, что у меня просто-напросто довольно живое воображение, я, мол, все это сочинил, придумал, а тот факт, что мне выпало побывать – в кавычках – на излечении, пусть вас нисколько не тревожит, я лег в желтый дом, дабы получить белый билет, ибо выбрал свободу. Ах вот оно что, они тогда говорят, значит, мы заблуждались, вы уж не обессудьте. Но я-то улавливаю: нет, не верят: для них я решительно полоумен. Увы нам, Владимир, с их точки зрения любой беллетрист рассказывает исключительно о себе, как Лимонов. Только в отличие от последнего – таится, скрывается под разными именами. И вы тоже, конечно, встречали таких читателей. В общем, спешу уверить, что ни раздвоением, ни тем более разномножением личности не страдаю. И внутренних колебаний насчет того, Александр я или Саша практически не испытываю. Наоборот: если верить родным и близким, я человек собранный, цельный и чуть ли не целеустремленный. Простите за неуступчивость, но я – я и есть. Без вариантов.

- Современному человеку гораздо удобнее жить заготовками слов, мыслей, чувств, которые поставляются услужливой памятью и источником которых могут быть «чужие» сюжеты. Хорошая литература – это, конечно, хорошая встряска. Может быть, главное ее предназначение – быть, говоря словами Мераба Мамардашвили, «единственным средством распутывания опыта; когда мы начинаем что-то понимать в своей жизни, и она приобретает какой-то контур в зависимости от участия текста в ней». Утрируя, можно сказать, что произведение – это своеобразный костыль прежде всего для самого пишущего, согласны?

- В Союзе я был типичным неподдающимся. Бунтарь, ниспровергатель общепринятых ценностей. Не иначе как унаследовал ген вольнодумства, должно быть, чалдонский, по материнской линии. Как выразился герой моего второго романа точильщик Илья, властей недолюбливал ни в какую. Во многих смыслах гулял сам по себе и в конце концов догулялся до эмиграции. Во дни тягостных сомнений регулярно напоминал себе, перифразируя афоризм Козьмы Петровича: хочешь быть свободным – будь им. И более или менее получалось: был. И в частности – от поры до поры – свободным от денег. И что касается творчества, то оно для меня не столько средство распутывания опыта, сколько разновидность все той же свободы: многострадальной, скажем так, свободы самовыражения. Мысль неоригинальная; следующая тоже. Сочинитель, сам того не желая, может нафантазировать судьбу – себе или кому-то: написанное нередко сбывается.

- Ульрих в романе Музиля «Человек без свойств» приносит удивительную фразу: «У человека есть вторая родина, где все что он делает, невинно». Я думаю вот о чем: ты одновременно существуешь как бы в двух разрезах: историческом и подлинном. В подлинном пространстве ты можешь увидеть себя таким, каким ты, предположим, был призван Богом и каким мог бы быть. Кто-то скажет: раздвоение личности. Но такое раздвоение носит временный характер: или твой путь сольется с предначиненным или – что случается гораздо чаще – ты будешь тянуть ямку навязанной тебе кем-то (идеологами, родителями, учителями) и чем-то (обстоятельствами, книгами, фильмами) жизни...

- Если мнение о русских как об очень долготерпели-

вом народе справедливо, то я – в этом отношении – отнюдь не типичный русский. И тут могу лишь варьировать сказанное ранее: я всегда старался делать только то, что хотел, к чему лежала душа, старался не поступать вопреки принципам, установкам. Компромисс – понятие не из моего практического обихода. Заставить меня тянуть, как вы метко выразились, лямку – любого рода – никому не удавалось. Долгота моего терпения – величина несущественная. Я не мог продолжать дружить или жить с человеком, если имел к нему претензии. Если не устраивал круг знакомых, я покидал его. Уходя, уходил в самые сжатые сроки. Если переставала нравиться служба – поступал на более приемлемую. Когда надежды на политические реформы испарились – уехал далеко и надолго. Что было во всех смыслах затратно. Имела место приличная нервозность. Что ж, воля даром не дается.

- Трудно отрицать воздействие ландшафта на формирование картины мира индивидуума. Равнинный ландшафт, обширные незаселенные пространства, степные просторы, одним словом, «горизонталь» с детства привычны для глаз россиянина. Другое дело – горы, «вертикаль». Здесь иная оптика, иной комплекс чувствований. Считается, что Сашу Соколова интересует не столько природа как таковая, сколько человек. Тем не менее соколовские зарисовки свидетельствуют о пристальном интересе к потаенным сторонам природной жизни, ее «странностям». Как коррелируют в вашем писательском сознании ландшафты тех регионов, где вам довелось жить, с традиционным русским пейзажем? Как они влияли на ваше творчество?

- Вспоминаю, как Иосиф Бродский все не мог взять в толк, отчего это меня, выросшего в мегаполисе, так часто одолевают дачные настроения. Мы оба обретались тогда в Энн Арборе, что в Мичигане. К тому периоду относится стих Иосифа «В озерном краю». Помните, оно начинается строкой: «В те времена, в стране зубных врачей...» А потом, когда он переехал в Нью-Йорк, настала моя очередь удивляться: как это столь утонченная личность может жить в полуподвальной квартире с окнами, выходящими на шумную загазованную улицу. А мог он, наверное, потому, что имел крепкую нервную систему, или, по его собственному выражению, слоновью кожу. Он был, что называется, city rat, завзятой городской крысой, и на Манхэттене чувствовал себя превосходно. Особенно в интеллектуально-художественном районе Гренич Виллидж, где его узнавали прохожие и продавщицы в книжных. А мне сей город нисколько не симпатичен. Меня корбит от его безвкусной архитектуры, мутит от подземки, от грязи его и гвалта. Не отрекись: Москва – моя малая родина. Но если я и люблю сей густонаселенный пункт, то как-то полермонтовски: странною любовью. Любовью, смешанной с ощущением своей маргинальности в нем, непричастности к его делам и событиям. Не урбанист да и только, как ни крути. В городах я способен лишь доставлять статьи да письма. Когда пришла пора изложить на бумаге первый роман, я уволился из «Литературной России» и подался в егеря. Поселился на лесном кордоне. Служба необременительная, река широкая. Что довольно важно: большая вода успокаивает, укрепляет, помогает настроиться на необходимый лад. И – дает советы, подсказывает образы. Лес – тоже. Писалось там дивно. И второй роман я сочинял у большой воды. Начал на озере Мичиган, а закончил на Тихом океане, в Калифорнии. И тоже неплохо творилось. Тем не менее в Калифорнии я не прижился. Природа роскошная, субтропическая, однако разочаровала. С Черным морем я всегда находил общий язык, со Средиземным, даже с Красным, а с океаном – не получалось, слишком уж он суровый. Затем: в Калифорнии и вообще на американском Западе растения практически безвкусны. Считается, что индейцы – в отместку белым завоевателям – прокляли этот край. И вот – никаких тебе ароматов, ни в саду, ни в огороде. Что делать? Собрал чемодан, вернулся на Восток, обосновался в Вермонте,

где к тому времени уже отшельничал Солженицын. Мы оба остановили свой выбор на этом штате по одной и той же причине: он – самый живописный. Кроме Александра Исаевича и меня, эта гористая область приглянулась многим нашим коллегам. Неподалеку от моего дома в долине Бешеной реки снимали дачу Майя и Василий Аксеновы. Километрах в тридцати каждое лето квартировал Юз Алешковский с женой Ирой. Наездами бывали в Вермонте Булат Окуджава, Виктор Некрасов, Наум Коржавин, Владимир Войнович, Юрий Фельштинский... Пейзажи там мало напоминают российские, однако общаются схожее настроение. Я бы сказал, ля-минорное. Юз как-то заметил: милые места, думаю, даже Есенину тут бы понравилось.

- В своих произведениях вы проявляете повышенный интерес к категории времени. По моим наблюдениям, расхождения в оценке значимости времени и пространства связаны в первую очередь с доминированием временного или пространственного кода в мышлении того или иного субъекта.

- Ученик такой-то из «Школы для дураков» все тревожится: у нас, мол, что-то не так со временем. Я разделяю озабоченность героя, хотя в его возрасте в существование времени не верил. Но позже, когда оно стало мне регулярно снится, задумался. В тех снах я мог наблюдать его течение. Порой время струилось вдали, у линии горизонта. Иногда прямо передо мной или сквозь меня. Оно бывало серым или белым, как туман, а бывало многоцветным и калейдоскопически переливалось. Подчас движение потока замедлялось, порой останавливалось. Его энергетика ощущалась как позитивная, добрая. А иногда я чувствовал, что неотделим от времени, что растворен в нем. И как-то, очнувшись от такого сна, сказал себе: да, существует. Теперь, к сожалению, никаких видений не наблюдаю.

- Ходят упорные слухи, будто рукопись четвертого вашего романа – вопреки утверждению, что рукописи не горят – сгорела в Греции...

- Это правда. В мае 89 года, уезжая из Греции в Москву, я оставил рукопись на острове Порос, в доме знакомой художницы. Дом, кстати, стоял рядом с виллой Генри Миллера. Пожар случился при загадочных обстоятельствах.

- Есть писатели «одножилые», а есть «двужилые» и даже «многожилые». Вы начинали как поэт, входили в объединение «СМОГ». Затем на долгие годы лирика ушла в подтекст, то слабо подсвечивая из-под толщи прозаических пластов, то вспыхивая в виде стихотворных вставок. И вот совсем недавно удивили своим «Триптихом» – явлением пограничным между лирикой и эпосом. Более того: здесь властно заявило о себе и драматическое начало. Свидетельствует ли «Триптих» о том, что этап чистой прозы для Саши Соколова уже позади?

- «Многожилым» был Вася Аксенов. В годы расставания он сочинял ежедневно чуть ли не печатный лист прозы, как Лев Толстой. Кроме того, читал лекции в колледже, делал несколько передач в неделю для двух радиостанций и составлял статьи для журналов. При этом ежевечерне общался с коллегами и поклонниками и выглядел всегда удивительно свежим и беззаботным. Творил он от руки. Мне доводилось видеть его манускрипты: в них почти не было коррективов. Умение работать быстро и без помарок – особый, дополнительный дар. Очевидно, что ваш покорный слуга лишен его напрочь. Редакционные машинистки, печатавшие с моих черновиков, говорили: Саня, ты больше зачеркиваешь, чем пишешь. Я, как умел, отшучивался: это, де, признак высокой ответственности перед читателем, следствие неукоснительной требовательности к себе большого художника. Вдобавок к флоберовскому максимализму страдаю по крайней мере еще одним недостатком. Я способен возвращаться к однажды найденному и использованному приему. Повторяться скучно. Поэтому, готовясь к

серьезному тексту, всякий раз приискиваю какой-то новый, оригинальный способ изложения, свежий регистр. И ваше предположение справедливо: все, что мне удастся начертать в грядущем, не должно быть похоже на то, что удалось в прошлом. Чистая проза больше не привлекает.

- В 1988-м я перевел для «Литературной Грузии» эссе о сонете видного представителя символистской группы «Голубые роги» поэта Валериана Гаприндашвили. Споткнулся на одном неологизме «дэридахолеби» – слове с греческими корнями. Слово-то было в ходу только среди членов группы. Делать нечего – пришлось звонить другому поэту-голубороговцу Колау Надирадзе, который был уже не только очень стар, но и болен. Помню его тихий глухой голос, подтверждающий мою переводческую догадку. Но дело не в частности. Сам факт общения с последним на планете символистом знаменателен: литературные направления и школы уходят, а отдельные их представители – живые носители традиции – как бы выпадают из обоймы времени...

- А мне посчастливилось познакомиться с такой исторической фигурой, как Григорий Петников. Год – 71-й. Сподвижник Велимира Хлебникова дотягивал свой земной срок в Старом Крыму, и тот приезд поэта в столицу оказался последним. К нам, в редакцию «Литроссии», какие только значительные лица не заходили! Казалось бы, никем нас не удивишь. Однако явление легендарного футуриста, Второго Председателя Земшара, возымело фурор. Все сотрудники вышли из своих кабинетов и встречали его в коридоре. Петников казался нездоров, хрупок, но бодрился. Знакомясь по очереди с каждым из нас, щедро улыбался, пожимал руку. Никакой рисовки, одет – проще некуда, скромный такой небожитель. Не знаю, как моим коллегам, но мне была очевидна его аура. Мысль неоспоримая, Владимир, есть такие знаковые фигуры, которым не дано затеряться в дебрях былого. Имена их не меркнут, даже если вычеркнуты, изъяты из официального обращения.

- Александр, следите ли вы за современным российским литературным процессом? Какие книги из прочитанных в последнее время запомнились?

- На этом фронте без перемен: мешают. Знаменитый трюизм: писателю мешают все. Но совсем не следить за процессом как-то неловко: надо, а то «чукчей» прослыть. Самый созвучный мне поэт – Алексей Цветков. Сборники его – а их уже десятка, что ли, полтора – один лучше другого. Он мой старинный друг, и, может быть, я не вполне объективен; да вряд ли. Или вот такой яркий стихотворец: Максим Амелин. Рекомендую его недавно вышедшую книгу «Гнутая речь». Очень нравится Мариам Петросян, точнее, ее роман «Дом, в котором...». Регулярно перечитываю стихопрозу покойного Саши Гольдштейна, верлибры Елены Фанайловой. Интересно следить за эволюцией двух Михаилаов: Шишкина и Елизарова. Пристрастился к воспоминаниям современников. Настольными стали «Ханаанские хроники» Наума Ваймана, «Между прошлым и будущим» Александра Половца и два автобиографических романа приятельницы моих вермонтских дней Елены Кореновой – «Идиотка» и «Нет-Ленка».

- Кого из западных мастеров слова вы для себя открыли?

- Из романистов упомяну двоих: Джона Максвелла Кутзее, южноафриканца, и Уильяма Кеннеди, американца. Из поэтов – прежде всего Роберта Сервиса. В начале двадцатого века он жил на Юконе и писал о людях и событиях золотой лихорадки. Сервиса называют канадским Джеком Лондоном, а я сравнил бы его с Эдгаром По. Масштаб дарования, правда, иной, но Сервис создал несколько стихотворений высокой пробы. Его «Кремация Сэма МакГи» по настроению и философии сопоставима с «Вороном». Еще один важный для меня англоязычный поэт – Эдгар Ли Мастерс. Американский классик, издал кучу текстов, но в сознании потомков будет автором лишь

одного сборника. Вещь дивная: «Антология Спун-ривер».

- Не скрою, Александр, вы имеете репутацию писателя-затворника. Википедия сравнивает вас с проживавшим почти в полной изоляции Дж.Сэлинджером. Соответствует ли это утверждение истине?

- Не знаю, действительно ли Сэлинджер жил столь замкнуто. Я не любитель больших компаний, и одиночество никогда не тяготило. Наоборот, это состояние для меня естественно, органично. Но к изоляции не стремлюсь. Просто общаюсь по системе Шопенгауэра: избирательно, в основном с теми, кто понимает, с близкими по интересам, по взглядам. А поскольку интересы и взгляды у меня довольно своеобразны, круг общения, соответственно, неширок.

- Придаете ли вы значение традиционным семейным ценностям?

- Семьянин-то я никакой. Понятие семьи у меня больше ассоциируется с проблемами, чем с ценностями. Рос в доме, где мир и согласие случались по большим праздникам. В обычные дни и ночи покой нам только снится. Противоречия возникали по любому поводу. Страсти горели негасимые, каждый был против всех, и все против каждого. Шекспир – привет Алеше Цветкову – отдыхал. Короче, скучать не приходилось. Учтя тот бесценный опыт, лет с восемнадцати бытийствовал либо один, либо с подружкой или женой. Отцовством не увлекался.

- Какой образ Грузии живет в сердце Александра Всеволодовича Соколова?

- Извините за риторику, Владимир, но какой же нормальный русский не ценит грузинских песен, фильмов, застолья, юмора. А русский вроде меня, который с уклоном в эстетику, пьет, бывает, кахетинское и все остановиться не может: больно уж буквы на этикетках приятные, ай да алфавит! Последний раз я побывал в Сакартвело много лет тому, еще до эмиграции. То есть действительно, не пора ли снова пройти «над Алазанью, над волшебной водой», снова пригубить батумского кофе и все такое. Конечно, пора, Владимир, только позволят ли обстоятельства?..

Беседа с Сашей Соколовым подходила к концу, а мне не давал покоя его афоризм «Искусство есть пожизненная попытка мастера увериться в существовании жизни, напрасная, но прекрасная».

Владимир ЧЕРЕДНИЧЕНКО

▲ Манана Тодадзе

ЖЕНЩИНА С ХРУСТАЛЬНЫМ ГОЛОСОМ

Вокально-инструментальный ансамбль «Иверия», основанный в 1968 году под руководством Александра Басилая завоевал популярность во многих городах СССР. В их послужном списке – первый телевизионный мюзикл «Свадьба соек», фильм «Веселая хроника опасного путешествия» («Аргонавты»), мюзикл «Пиросмани». Песни из этих и других спектаклей разлетались во все концы большой страны и не только. А все потому, что пели с душой, ибо по-другому не умели. Ансамбль подарил Грузии много эстрадных звезд. Одна из них – Манана Тодадзе, женщина с хрустальным голосом и детскими глазами.

И вот, Тбилиси облетела новость – Манана Тодадзе дает концерт. Первый за десять лет. Уже давно Манана живет и работает в России, поэтому концерт в Тбилисской филармонии для нее особенный.

- Калбатано Манана, первый вопрос о предстоящем концерте. Очень волнуетесь?

- Ощущаю очень приятное волнение, ожидаю долгожданную встречу со слушателем. Я всегда волнуюсь перед выступлением. Это ведь большая ответственность – выходить к зрителю.

- Что нового и интересного вы приготовили для своих поклонников?

- Во-первых, я исполню все свои старые, полюбившиеся песни. Но в новой аранжировке. Вы знаете, что раньше звукозаписывающая техника была другой, а сейчас

совершенно новые возможности, и я думаю, нужно их использовать. Кроме того, я исполню по несколько композиций в разных жанрах, в которых я раньше не пела.

- Насколько важно артисту быть разным на сцене?

- Когда меня спрашивают, кто был моим первым педагогом, я отвечаю – Бачи Китиашвили, основоположник рок-музыки в Грузии. Еще Дженис Джоуплин. Я стараюсь петь в разных жанрах, в разных стилях. Мне кажется, чем шире круг интересов у артиста, тем он интереснее зрителю.

- С вами в концерте поют ваши друзья?

- Да, и для меня это большая поддержка. Без моих друзей этот концерт был бы невозможен. Была приятно удивлена, когда меня поддержала Тбилисская мэрия. Очень важно, что концерт снимает телекомпания «Имеди». Это исторический концерт (смеется). Соло-концерт – большая головная боль. Без своего продюсера Бидзины Сирбиладзе просто не справилась бы. Все-таки, пение пением, а менеджмент – совсем другое дело. За музыкальное руководство проекта взялся замечательный пианист Ника Никвашвили.

- А что будете исполнять с коллегами?

- Я пою дуэт с Нодико Татишвили, недавно вернувшимся с Евровидения, мы исполняем дуэт из «Свадьбы соек». Исполню я дуэты и с Рати Дурглишвили, победителем «Новой волны» в Юрмале, и с Майей Каркарашвили. Мне подпеют ребята из «Театрального квартета». А

из Москвы поддержать меня специально прилетают молодые и очень талантливые исполнители Лика Долидзе и Георгий Меликишвили. А еще я впервые выйду на сцену со своей дочерью Лейлой. В этом концерте выступают четверо друзей из Грузии и четверо из России. По-моему, это символично. Концерт продлится около двух часов, я надеюсь, зрителю понравится.

- *Говорят, что грузинский зритель – самый взыскательный. Вы согласны?*

- Это действительно так. Вкусу грузинских зрителей можно позавидовать. Это, наверно, генетически заложено, у нас ведь в каждой семье поют. Каждый артист знает: если тебя приняли грузины, можно считать, что ты сможешь петь в любой точке земного шара.

- *Сколько лет вы провели в ансамбле «Иверия»?*

- Я пришла в ансамбль достаточно поздно. Знаете, «Иверия» – это любовь на всю жизнь. У меня замечательные друзья. Фактически мы все время проводили вместе – играли спектакли, ездили на гастроли.

- *А «иверийцы» примут участие в вашем концерте?*

- Разумеется. Ко мне придут Теймураз Циклаури и Нугзар Квашали, мы споем известную песню «Берикаци».

- *Вы столько лет пели в «Иверии», в такой замечательной команде. А затем начали сольную карьеру. В чем заключается главная трудность?*

- В «Иверии» мы играли спектакли, и каждый пел свою партию. И потом, все поддерживали друг друга. А когда ты поешь один, во-первых у тебя гораздо большая нагрузка, потому что приходится петь не одну или две песни, а двадцать. А во-вторых, ответственность тоже совсем другая.

- *Как вы попали в «Иверию»?*

- Я пою с детства. В два года меня ставили на табурет, и я пела. К тому моменту, когда закончила школу, я серьезно занималась пением. И вот однажды меня услы-

шали в Батуми, в ресторане. Пригласили. Это был знаменитый азербайджанский музыкальный коллектив «Гаяя». Там я проработала год. А уже потом меня пригласили в «Иверию». Меня просили не уезжать из Баку, но меня ждала «Иверия».

- *И уже будучи в «Иверии» поступили в консерваторию, не так ли?*

- У нас в «Свадьбе соек» была партия мышонка, которую нужно исполнять классическим голосом. Я ее озвучивала из-за кулис. Поэтому в коллективе настояли, чтобы я поступила. И я горжусь, что у меня консерваторское образование, потому что это серьезная школа, которая на всю жизнь. С тех пор я пою классические произведения, особенным успехом они пользуются в России.

- *Вы в Москве создали детский театр-студию «Фантазия». Расскажите о ваших воспитанниках.*

- Еще в Тбилиси у меня был школа-студия «Престиж». Многие звезды грузинской эстрады – мои ученики. Я очень люблю работать с детьми. Весь опыт, накопившийся у меня за годы, я с удовольствием передаю им. Я и по профессии педагог по вокалу, поэтому решила в Москве заняться любимым делом. У меня в студии учатся дети разных национальностей, и большинство приходит учиться именно грузинским песням. Это не может не вызывать гордость. Меня очень поддерживает Союз грузин в России, нам выделили комнату для занятий. И в организацию моего нынешнего концерта Союз внес большой вклад, за что я очень благодарна. А мои ученики из «Фантазии» придут на концерт и исполнят попури.

- *Ваши воспитанники часто выступают на международных конкурсах?*

- К счастью, да. Меня тоже часто приглашают быть членом жюри на различные международные детские песенные конкурсы. А в прошлом году в Испании моя воспитанница Саломе Долидзе победила на конкурсе и завоевала титул принцессы.

- *Вы ведь стихи пишете?*

- Да, в прошлом году вышел мой первый поэтический сборник. Он так и называется «Стихи Мананы Тодадзе». Презентация прошла в Тбилиси, в театре Руставели. А недавно я написала басню о несправедливости, о том, как соловья затирают, а на песенный конкурс посылают крысу. Увы, это очень актуально в наше время. Басня заканчивается тем, что соловей все же выиграет конкурс. Уже готовы рисунки и сценарий по этой басне. Нам нужно небольшое финансирование, чтобы начать снимать мультфильм. Я очень надеюсь, что этот проект осуществится.

- *Ваши дочери пошли по вашим стопам?*

- У меня две дочери – Лейла и Тамуна. Они – моя гордость. Обе выросли на замечательной музыке. Когда я училась в консерватории, старшую Лейлу не с кем было оставить, и я ее водила с собой. Неудивительно, что она тоже стала певицей. Мы вдвоем много гастролируем.

- *Почему вы уехали из Тбилиси и трудно ли было на новом месте?*

- Трудно. В Грузии ведь я популярная певица, а в Москве мне пришлось начинать сначала. Но в России я заново родилась как певица, как личность. Я пришла к выводу, что быть хорошей певицей это еще не все, важно быть хорошим человеком, которого уважают.

- *Тем не менее, вы не прерываете связи с родиной.*

- Без этого невозможно жить. Я стараюсь приглашать своих коллег из Грузии выступать в Москве. Часто устраиваю благотворительные концерты. Один из последних и самых дорогих для меня – вечер памяти Александра Басилая в московском Доме музыки.

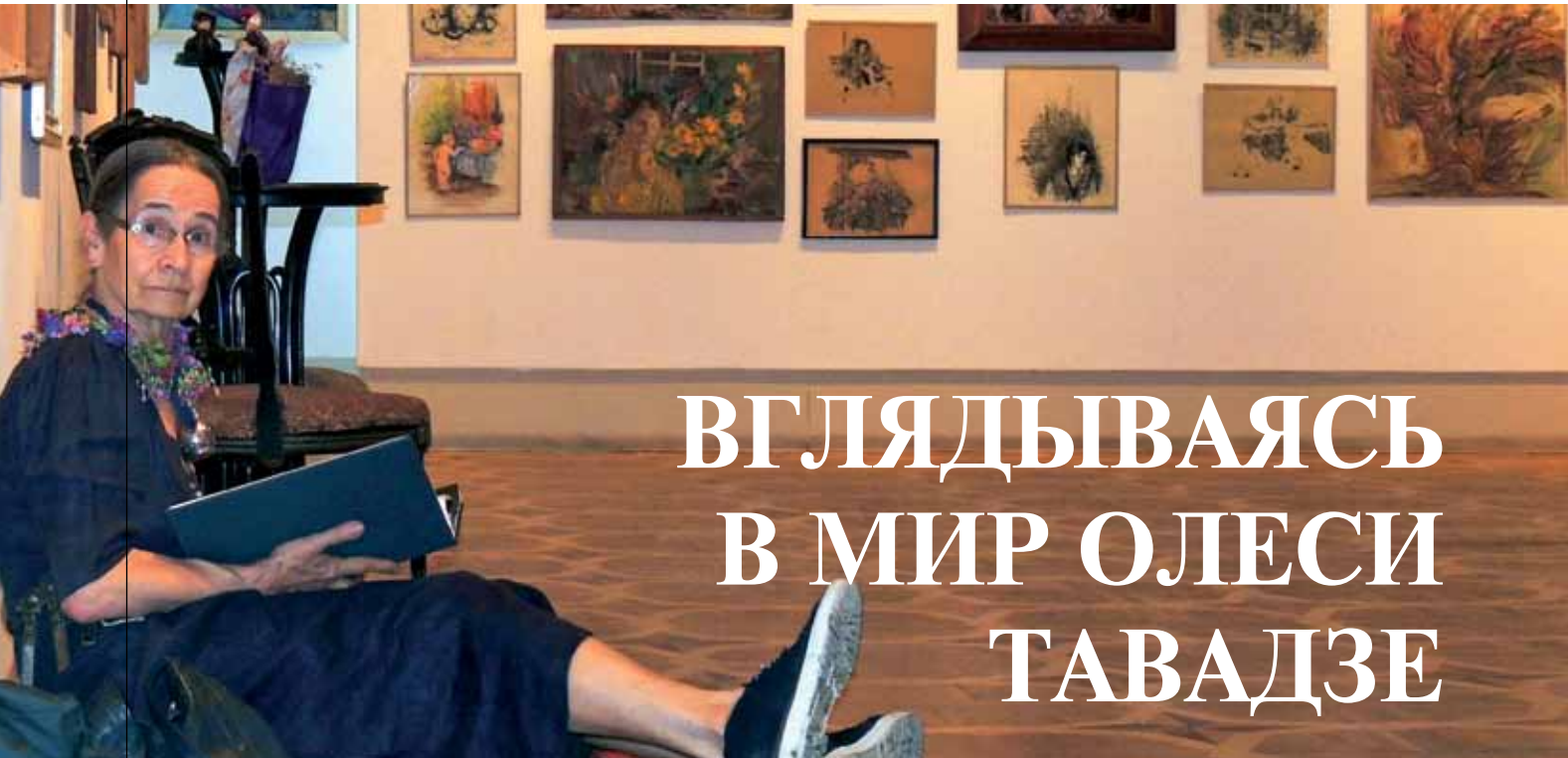
- *Вы выступаете на родине спустя столько лет. За этим концертом последуют и другие?*

- Знаете, у меня есть мечта – объездить с концертами Грузию.

Нино ДЖАВАХЕЛИ

**Манана
Тодадзе**

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В МИР ОЛЕСИ ТАВАДЗЕ

В конце мая по инициативе Министерства культуры и охраны памятников Грузии и Музея истории Тбилиси в выставочном зале «Карвасла» открылась выставка – «Мир Олеси Тавадзе», на которой были представлены живописные, графические работы, авторские куклы и колоритные образцы из этнографической коллекции художницы, доселе известной лишь узкому кругу ценителей.

«Жалость – в маленьком. Вот почему я люблю маленьких».

В.В.Розанов, «Опавшие листья».

Ле Корбюзье и Озанфан еще в 1918 году упорно утверждали, что в искусстве существует жесткая иерархия, в силу которой декоративное искусство всегда вторично, а изобразительное главенственно, и следом за этим безапелляционно поясняли: «Потому, что мы мужчины!»

Пройдут годы, Мириам Шапиро и Джой Козлофф вместе с примкнувшими к ним мужчинами – Робертом Кушнером и Робертом Заканичем станут доказывать обратное, что искусство декоративное ничем не ниже изобразительного, а орнамент всегда был его неотъемлемой частью.

И все же, факт остается фактом – орнаментика, как таковая, от средневековья до середины XX века рассматривалась в гендерном ракурсе, «одомашнивалась» и стала сугубо женским занятием. «Женское» действительно особым образом проявляется в эстетизации пространства – жилище, одежда, сад...

И все это – в оконном проеме... Окна может и не быть – но оно метафорично подразумевается – как «регулярное поле изображаемого».

Через такое окно мы и проникаем в мир Олеси Тавадзе, в мир ее обитания, мир ее работ, где все излучает облагороженную чувствительность, одухотворяется и преобразуется во внутренний мир художницы. Интерьер, украшенный тканями, коврами на креслах, декорированный занавесками, мебелью в стиле ампира, посудой и авторскими куклами за стеклами витрин – это автопортрет, виртуальный портрет художницы в интерьере. Олесья Тавадзе как бы все одомашнивает, одухотворяет – искусство, природу, животных, своих четвероногих домочадцев. Одна из них – белая собачонка Паскуалина становится даже мерилом вещей, и эти безобидные су-

щества не только доминируют в натюрмортах, но и демонстрируют свое превосходство.

Творчество художницы вызывает в памяти образ женщины, плетущей нити своего мироощущения, что делает ее артистический облик земным и достоверным. Олесья Тавадзе как бы никогда не покидает свой герметичный мир, даже рисуя природу:

Не выходи из комнаты! То есть дай волю мебели, слейся лицом с обоями. Запрись и забаррикадируйся шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса.

(И.Бродский)

Исчезновение дома, даже исчезновение понятия дома – вот истинная трагедия для художницы.

А веселое слово – дома –

Никому теперь не знакомо.

(А.Ахматова)

А между тем исчезает сад, исчезает понятие сада...

«Вишневый сад обречен»...

И исчезает окно...

Окно, минув которое, уютное пространство комнаты сливается с миром – далью, небесами...

И этот пространственный диалог становится в картинах Олеси Тавадзе художественным переживанием: предметы утопают в пространстве, лишённые третьего измерения – становятся заложниками времени. Отдельные фрагменты интерьера, высвобождаясь, становятся частью природы и возвращаются уже в пределы воображаемой комнаты. Художник как бы влеком световым потоком и преодолевая виртуальные преграды, хочет прозреть, предугадать невидимое. Как в дымке пара, светятся обнаженные тела и в манере божественного Бажбеук-Меликова, натура преобразуется в метанатуру... Поэтический взгляд художника видится нам за чередой преград, как у Пастернака:

Перегородок тонкоробость

Пройду насквозь, пройду как свет.

И все-таки, комната Олеси Тавадзе – это пространство, так и не ставшее комнатой, или уже не комната – всего лишь намек, фрагмент, всего лишь приоткрытая дверь. Это, скорее желание очертить, открыть! Как сказала бы Марина Цветаева – «Попытка комнаты».

Мотив окна в творчестве Олеси Тавадзе обретает образно-поэтический окрас. Зритель невольно расширяет пространство интерьера и «окно в мир», как метафора, как символ, раздвигает пределы видимого. Окно для художницы – это сквозная идея, организующая тончайшую инструментацию лирико-психологического сюжета, как интерьер, воссоздающий отсутствующего владельца в ипостаси действующего лица или лирического героя.

Художник своеобразно переключается с культивируемой «Миром искусства» (или «Союзом русских художников») «усадебной культурой». Эти мотивы возникают именно в этом культурном контексте, обретают романтические обертоны и ностальгически-тревожные интонации, обнажающие затаенный нерв «садовой лирики». А оконная рама, как оклад, обрамляет кадрированные сюжеты. Окно, как воображаемое, может иной раз совпасть с размером холста.

Так творятся интерьеры без стен и создают человеку, подавленному урбанистским стрессом, особое эмоциональное поле – не фоном, но ликом, промелькнувшим до прикосновения кисти. В этом земном парадизе художни-

ка все еще волнуют гравитационные каноны – серия птиц тому доказательство: влечение ввысь пережить как бы с птичьего полета, а эти птицы – Alter ego художника, его орнитологические двойники. И эта серия так же автобиографична, как и «Азиатский цикл», напоминающий Павла Кузнецова. За чуждо-экзотическими мотивами чувствуется художница-автор, в чужом краю ищущая обетованный мир или в чужой земле роющая свой «котлован». Да и есть ли этот рай, и кто такие эти отражения платоновских распателелей?

Ведь за раем пустота, за раем ничего не происходит. Рай – это тупик, последний взгляд, конец вещей, вершина, пик, откуда шаг только в чистый хронос. Художник же всегда осторожен, шаг его всегда размерен. Он чувствует, где тупик, чувствует, где обрыв... В любой стихии художница всегда эмоционально умерена и в этом инстинкт самосохранения или женская интуиция.

Творческий процесс – это попытка отождествления и таким образом замыкается круг и произведение слива-

ется с автором, становясь также самодостаточным, как природа сама в себе.

Основное, в силу чего такая аутентичность может импонировать, это стремление к слиянию с природой – не подавление, не иерархическое преимущество, а покой и примирение.

Но если связь нарушена и если природа становится лишь заповедником, где искать спасение?

Такие художники, как Олеся Тавадзе не признают «организованную природу» и для них возглас – «Как красиво!», равно обращенный к произведению искусства, как и к «природе» – одинаково ложен и унизителен. Поэтому так жизненно необходим ей побег от «природы» к природе. Вот почему «природно-прекрасное» становится в ее работах аллегорически-запредельным. В этом смысле, природно-прекрасное – есть действительно «прерванная история». Этот теоретико-эстетический конструкт Адорно объясняет суть прерванного созидания. С другой стороны, в натур-эстетических опусах нашей художницы природа как бы смирилась с смертностью. И может быть, природе, как и искусству, свойственнее конечность, подтверждение чему сама аллегория натюрморта. Именно рефлексией такой «смерти» видятся мне натюрморты Олеси Тавадзе. Это самодостаточное пространство, заранее примирившееся в своем предстоянии перед горизонтом смерти. С первого взгляда, в натюрмортах и портретах не чувствуется преднамеренность задачи, тем сложнее проследить интенцию в графических работах, где живость штриха никогда не переходит в артистический экстаз, и как только нарушает границы «графического» – прекращает «общение». Так оно и есть – интенция – только лишь «транспортное средство», как говорит опять-таки Адорно.

И мы должны уверовать! Во всяком случае до тех пор, пока не потребуем от нашего художника раскрытия тайна. Хотя мы не вправе требовать «больше», а только лишь «другое». В опусах Олеси Тавадзе проявляется элегантная натура автора, несколько аскетическая. Аскетизмом отмечена и серия портретов, превращающая их в некоторое подобие автопортрета. Она рисует лица и старается увидеть нечто большее – некую патину пережитого, печать времени. Эти работы психологически родственны с эпохой модерна, но никогда их элегантный аристократизм не переходит в салонную поверхность. Художник ощущает себя в едином культурном пространстве со своими моделями, не противопоставляет элитное и расхожее и опять-таки в мистериально-театрализованном пространстве модерна сливаются воедино автор и натура.

Портреты Олеси Тавадзе своеобразно продолжают ряд портретов А.Тышлера, Р.Фалька или того же А.Бажбеук-Меликова в их приватности, интимности, но никогда не нарушается деликатная дистанция в соприкосновении с глубинно-духовными пластами модели. Это некоторое сопротивление открытости. И остается только внутренний голос, только взгляд в прошлое, только произвольный жест руки, как в «Портрете отца». Жест промелькнувший, безнадежный взмах рукой пожилого мужчины, диалог со своей энтелехией. Припорошенная годами телесность этого портрета притягивает именно сдержанностью аффекта. Сдерживать аффект – это значит быть в самостоянии, никогда ничего не удерживать, не держать в руках.

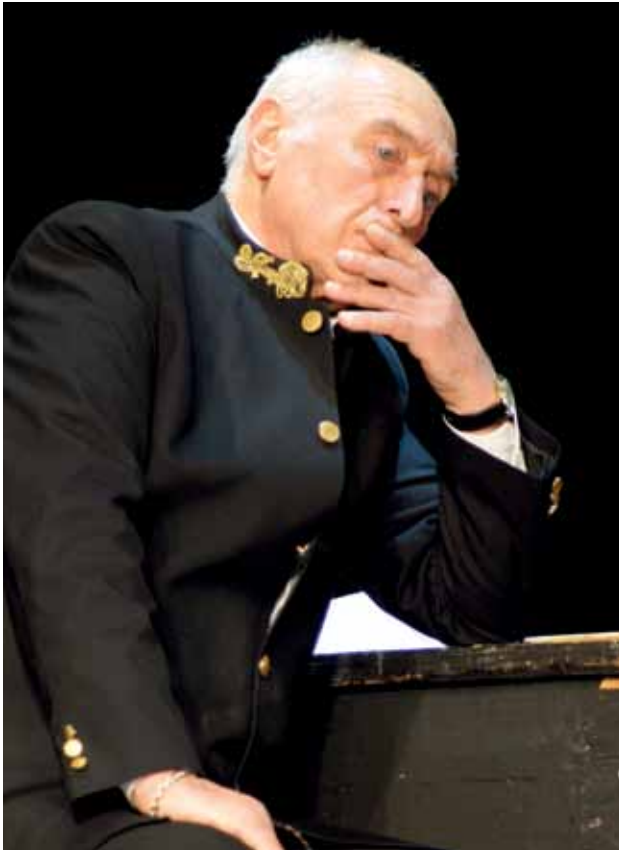
Кроме ребенка...

Такие образы запоминаются, такие образы любят и потому, что они напоминают нам о нашей собственной незащищенности. Эти образы создаются другими руками, чужими руками, и эти руки – руки завершающие, руки отдающие.

Руки отдающие, руки свободные – руки чистые.

Таковыми руками творится искусство.

Давид АНДРИАДЗЕ

ПРОЩАЙ, АРТИСТ!

Дорогие коллеги, уважаемые друзья!

Не стало Отара Вахтанговича Мегвинетухуцеси, блистательного грузинского артиста, актера милостью Божьей. Его знала, обожала вся Грузия. Он был поистине народным артистом. Его любили, ценили коллеги не только в Тбилиси, но и в России и далеко за ее пределами. Всю свою жизнь Отар Вахтангович отдал служению грузинскому театру, национальной культуре, любимой профессии. Более полувека он был предан сцене родного театра имени Марджанишвили, в котором начал свой творческий путь сразу по окончании театрального института. Театральная Москва помнит его несомненный творческий успех на прославленной сцене МХТ имени Чехова в роли Креона. Миллионы зрителей узнали и навсегда запомнили его по замечательным киноролям. Когда уходят актеры такого масштаба, как Отар Вахтангович, мы прекрасно понимаем, что их никто не сможет заменить, но мы благодарим судьбу за то, что он был, и за все, что сделал для развития отечественной, национальной культуры, и это поистине неоценимый дар. Я выражаю свои самые искренние соболезнования семье, родным, близким Отара Мегвинетухуцеси. Я знаю, как вам тяжело сейчас, будьте мужественны, терпения вам, еще раз терпения.

Александр КАЛЯГИН.

Дорогие друзья!

В эту тяжелую минуту Российский академический Большой драматический театр имени Георгия Товстоногова глубоко скорбит вместе с вами, вместе со всей Грузией в связи с кончиной выдающегося актера, редкой

души человека Отара Вахтанговича Мегвинетухуцеси. Это огромная потеря для грузинской и русской культуры. Каждая роль Отара Мегвинетухуцеси становилась событием, откровением, особым художественным миром, потрясавшим нас до глубины души.

Он обладал уникальным талантом и даром проникновения в художественный образ. Он талантливо не только играл, но и жил, умея любить и дружить. Выражаем искренние соболезнования семье, родным, близким, коллегам, друзьям незабвенного Отара Мегвинетухуцеси.

Светлая память о нем будет всегда жить в наших любящих сердцах.

Художественный руководитель БДТ имени Г.А.Товстоногова Андрей МОГУЧИЙ, Алиса ФРЕЙНДЛИХ, Олег БАСИЛАШВИЛИ, Валерий ИВЧЕНКО, Людмила МАКАРОВА, Зинаида ШАРКО, Светлана КРЮЧКОВА, Нина УСАТОВА, Елена ПОПОВА, Геннадий БОГАЧЕВ, Леонид НЕВЕДОМСКИЙ, Георгий ШТИЛЬ, Эдуард КОЧЕРГИН, Ирина ШИМБАРЕВИЧ и весь коллектив театра.

Уход из жизни Отара Вахтанговича Мегвинетухуцеси – большая утрата для Грузии и России. Наши страны и сердца скорбят вместе о великом артисте, подарившем зрителям театра и кино множество замечательных героев. Московские театралы долго будут помнить его величественного Креона в «Антигоне» Темура Чхеидзе, настолько ошеломляющим был Мегвинетухуцеси в этой роли. Выражаем искренние соболезнования родным и близким Отара Вахтанговича, друзьям и ценителям его творчества.

От коллектива Малого театра
Художественный руководитель Юрий СОЛОМИН
Генеральный директор Тамара МИХАЙЛОВА.

Дорогие друзья и коллеги,

Отар гордость не только Грузии, Россия гордится и скорбит вместе с вами. Отар навсегда вписал свой талант в искусство наших народов. Дата Туташхия, Дон Кихот, еврей – герой фильма «Изыди!» - это малая часть его творческого портрета. В нем всегда будут жить лицо и облик Грузии. Мы скорбим вместе с вами.

Александр и Лиля МИТТА.

Скорбим вместе со всеми!

Ушел из жизни замечательный человек, выдающийся актер и хороший друг Отар Вахтангович Мегвинетухуцеси. Благодарим судьбу за то, что этот великий человек сыграл в нашем фильме «Изыди!». Работать с ним было настоящим счастьем. Выражаем искренние соболезнования всем родным и близким Отара.

Светлая ему память!

Режиссер Дмитрий АСТРАХАН
Драматург Олег ДАНИЛОВ.

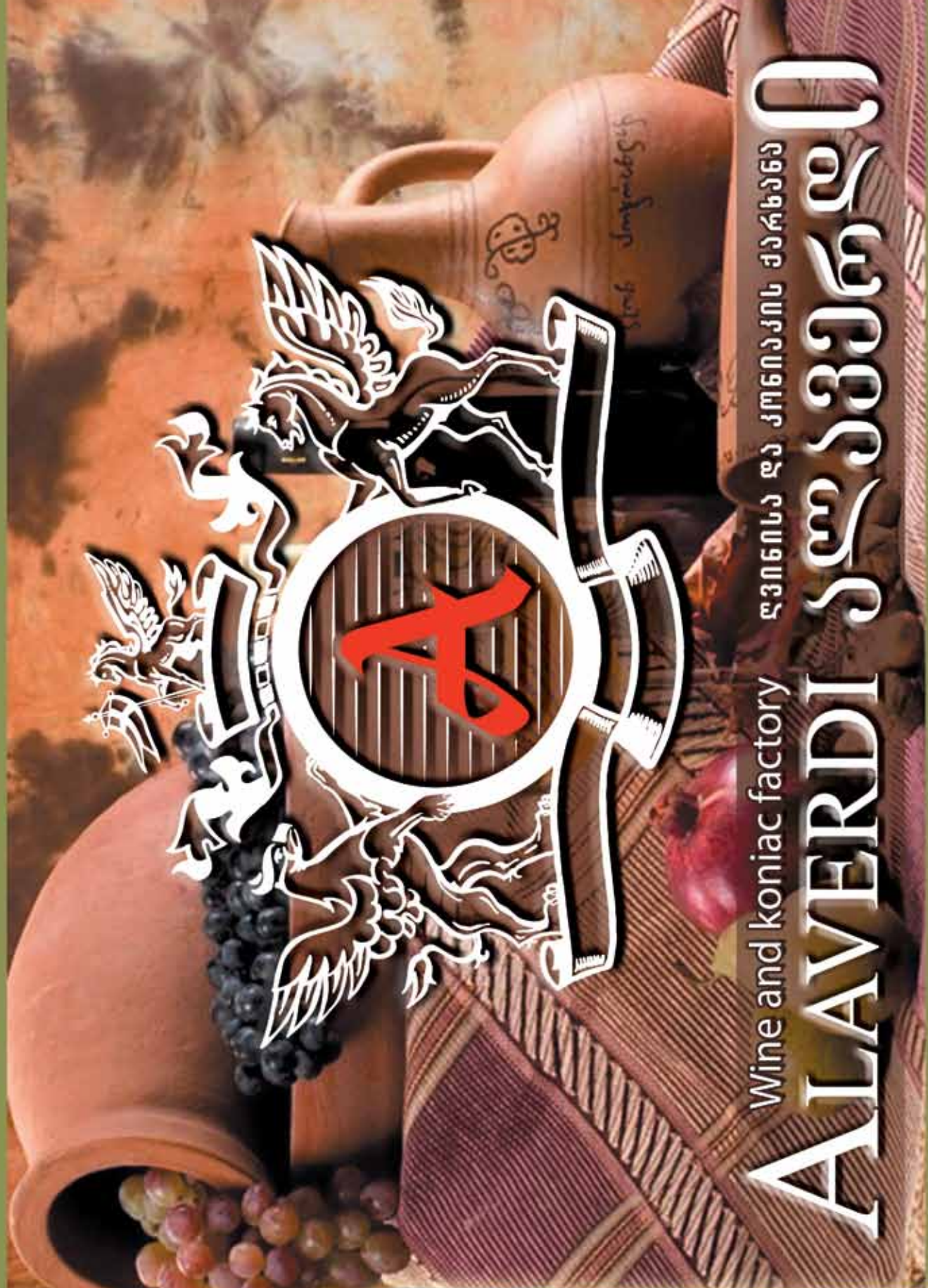
В последние годы Отар Мегвинетухуцеси играл совсем немного, но каждая его новая работа становилась праздником для зрителей. Символично, что лебединой песней актера стала роль в пьесе о театре. Она называется «Мемуары» (автор Джон Маррелл) и посвящена Саре Бернар (в этом образе предстала супруга Отара, замечательная актриса Гуранда Габуния). Народный артист СССР Отар Мегвинетухуцеси сыграл секретаря великой Сары...

Прощай, друг!

Коллектив Тбилисского государственного русского драматического театра им. А.С. Грибоедова и Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб».

SERTIFICATE: ISO 9001:2000 ISO 22000:2005

Wine and konicac factory

ვინაიერა და კონიაკის ქარხანა

ALAVERDI

EMAIL: ALAVERDI_2000@YAHOO.COM

+995 99502850;

+995 99961222

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000